

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ

**ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ПРИКЛАДНОЙ
И НЕОТЛОЖНОЙ
ЭТНОЛОГИИ**

№ 161

В.А. ТИШКОВ

**ИСТОРИКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ
АНАЛИЗ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ**

**Москва
2003**

ISBN 5-201-13758-x (22)

© Серия «Исследования по прикладной и неотложной этнологии»
Института этнологии и антропологии РАН. Документ N 161.

Редакционная группа:

В.А.Тишков (отв.ред.)
Н.А.Лопуленко
М.Ю.Мартынова

Материалы серии отражают точку зрения авторов и могут не совпадать с
позицией редакционной группы

При использовании ссылка на материалы обязательна

По вопросам приобретения материалов обращаться по адресу:
119334, Москва, Ленинский проспект, д.32а.
Институт этнологии и антропологии РАН
тел. 938-00-19, 938-07-12
E-mail: INFO@IEA.RAS.RU
fax: (7-095) 938-06-00

В.А. ТИШКОВ

**ИСТОРИКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ
АНАЛИЗ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ**

Об авторе

Тишков Валерий Александрович, член-корреспондент РАН, директор Института этнологии и антропологии РАН. Автор многих книг и публикаций в области этничности, национализма, конфликтов, этнологии коренных малочисленных народов.

About the Author

VALERY TISHKOV

Professor of History and Anthropology, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of Ethnology and Anthropology, author of many books and other publications in the area of ethnicity, nationalism, conflict and indigenous people studies.

Summary

VALERY TISHKOV. HISTORICAL-POLITOLOGICAL ANALYSIS OF THE CENSUS-2002

Categorization of people through the census procedure has a long history and it influenced how states and societies make groups on a basis of cultural markers and identity choices. The complex interplay of academic stances and power prescriptions as well as identity groups' interests take place in designing census program and procedures of counting. In Russia, identity and language issues were instrumental for delivering Soviet nationalities policy which perceived ethnic groups archetypical human coalitions legitimizing a state, its structure and politics. After the break-up of the USSR, the first post-Soviet census in Russia in 2002 provided new opportunities for registering identities and language situations. Amidst serious academic debates and political improvising 2002 census became a compromise keeping basic principles of the previous practice and bringing in some new approaches, including recognition of multiply identity and of some previously denied identity groups. There is also a comparative analysis of the US census and other countries' practices.

ВВЕДЕНИЕ

Историография и социально-культурная антропология немыслимы без использования данных переписей населения в исследовательских целях. Особый интерес к этому источнику информации и к этой важнейшей общественной процедуре в истории современных государств возник в последние десятилетия. Это было обусловлено рядом обстоятельств. Во-первых, в XX в. проведение всеобщих переписей населения для большинства развитых стран стало обычным явлением (национальные переписи проводят около 100 государств), и их данные — это важнейший источник сведений, как о состоянии общества и государства, так и для обобщения и сравнения мировых процессов и тенденций. Во-вторых, без данных переписей не мог бы полноценно функционировать целый ряд обществоведческих дисциплин (демография, социология, политология, этнология), не говоря уже об использовании переписных данных в общественных целях, начиная от избирательных процедур до образовательной и социальной политики. В-третьих, внедрение новейших технологий и исследовательских методов в обществоведческий анализ позволили совершать чудеса с огромными массивами количественных данных, которые до этого были труднодоступны при обычном ручном анализе. Наконец, эти же технологии, а также рост образования и общественной активности людей позволяют гораздо более эффективно использовать переписные процедуры не только для управления сверху, но и для низовых общественных мобилизаций и низовой самоорганизации.

С появлением компьютерной технологии в истории сотрудничества обществоведов США и СССР был период плодотворной совместной работы в области

использования количественных методов исторического анализа. Эта работа осуществлялась на протяжении 1970 — начала 1980-х гг. в рамках двусторонней комиссии, которую возглавлял от Отделения истории АН СССР академик И.Д. Ковальченко и от США профессор Принстонского университета Теодор Рабб. Именно тогда были установлены личные контакты со многими известными американскими историками, включая будущего лауреата Нобелевской премии профессора Роберта Фогеля, Стенли Энгерманна, Ричарда Сатча и других. Были проведены совместные симпозиумы в США (Принстон и Балтимор) и в СССР (Москва и Таллин), вышла серия публикаций на русском языке¹.

Во всех этих проектах в основе разрабатываемых методологий лежало использование массовых источников, прежде всего данных переписей. Но тогда мало кто обсуждал сам вопрос *антропологии переписи*, ограничиваясь проблемами верификации, представительности, точности исполнения опроса, последующих манипуляций и, конечно, кодирования данных для компьютерной обработки.

Наконец, когда уже компьютеры и обработка данных с новыми огромными возможностями стали рутинной в научном труде историка, интерес к материалам переписей населения никак не ослаб, ибо он наполнился новым содержанием, включая критику самого источника, а также более тонкое и рефлексивное обращение к количественным параметрам исторического материала. Но только в самое последнее время встал вопрос не менее фундаментального значения — это *проблема политики переписей населения и трактовка переписных материалов не только в плане отражения реальности, но и как*

средство конструирования этой реальности и как форма интеллектуальных предписаний для массового потребителя и для общества в целом.

Особенно важным является аспект, связанный с выделением категорий переписного населения, формулировкой вопросов, обработкой последующих данных, их научной и политической трактовками. Одним из существенных является вопрос, как переписи населения связаны с процессом формирования идентичности (прежде всего национальной, этнической и расовой), с существующими в том или ином обществе властью и идеологией, наконец, с самой борьбой за власть и ресурсы. В нашем анализе мы отталкиваемся от тезиса Мишеля Фуко, который связывал становление современного государства с его прогрессивно возрастающей способностью контролировать собственное население (от образования до тюрем). К этой же категории властного контроля принадлежит и механизм переписей населения, что впервые наиболее определенно было показано Бенедиктом Андерсоном на историческом материале стран Латинской Америки в период становления их независимой государственности².

Данные переписи представляют собою своего рода «властный капитал», ибо они позволяют находящимся у власти лучше знать социальные условия, культурные и другие параметры управляемых, и вырабатывать наиболее адекватные решения проблем или более широко – осуществлять эффективное управление. Или же, если управляемые в этом заинтересованы, осуществлять на основе данных переписи те или иные массовые манипуляции и силовые проекты, которые не могут быть отнесены к категории эффективного управления. В ряде аспектов всеобщая перепись является привилегированным источником знания по кардинальным вопросам общественного бытия (численность, рас-

пределение, состав и движение населения, состояние здоровья и образования, занятость и занятия и прочее). Как правило, текущие данные в этих областях не могут конкурировать с данными всеобщих переписей. Переписи имели и имеют большое значение для многих международных процедур и для глобальных измерений. Здесь их данные зачастую используются в геополитическом соперничестве, в выстраивании иерархии государств, особенно по линии бедные – богатые, в осуществлении международных программ развития и т.п. В последние годы под эгидой ООН родилось целое направление деятельности по координации проведения переписей и межгосударственной статистике, которое осуществляет Статистический отдел Департамента экономических и социальных проблем этой организации.

Проведение переписей, ожидание и трактовка их результатов почти всегда политически нагружены. Особенно это ощущается в государствах, где происходят быстрые и глубокие трансформации или имеются внутренняя напряженность и конфликт, связанные с теми или иными различиями в составе населения. Политико-идеологический смысл национальным переписям склонны придавать и зарубежные эксперты в отношении переписей в других странах. Журналист американской газеты «Уолл-стрит джорнел», бравший у меня интервью накануне переписи, пришел в экстатическое возбуждение, когда я упомянул о возможности появления в России в итоге происходящей переписи примерно двух десятков новых этнических общностей: «Значит до этого их скрывали! Как это интересно!» Только мое замечание, что перепись 2000 г. в США также «открыла» два десятка «новых рас» и еще больше новых этнических групп заставило журналиста снизить свой настрой на политическую сенсационность в интерпретации российской переписи.

Используя исторические данные, межгосударственные сравнения, а также опыт советских и первой российской переписи населения в 2002 г. мы намерены рассмотреть перепись как *социально-культурное явление и процедуру переписи как политическую процессуальность*. Насколько нам известно, в таком плане данная проблема применительно к российским переписям еще не рассматривалась, за исключением работ С.В. Соколовского и Ф. Хирш³. Американские ученые Д. Арель и Д. Кертцер подготовили интересную коллективную монографию о мировом опыте отражения расы, этничности и языка в национальных переписях⁴. Последняя работа приглашает к исследованию аналогичных проблем в постсоветских государствах. Польза от такого анализа может быть не только для исследователей, но и для государственных органов – основных исполнителей переписей населения.

К сожалению, отечественные обществоведы, хотя и являются активными пользователями переписных данных и даже участниками самой процедуры (например, регулярное составление Институтом этнологии и антропологии РАН списков возможных этнических самоназваний, народов и языков для разработки материалов переписей), они в силу методологической догмы воспринимали и продолжают воспринимать переписи, прежде всего и исключительно, как наиболее полное и всеохватное откровение по поводу су-

ществующей реальности. Это восприятие не отличается от восприятия политиков. Выступавший 29 апреля 2002 г. перед участниками специального совещания по переписи Президент В.В. Путин выразил суть этого восприятия: «Перепись даст нам самый полный и самый подробный слепок с российского общества». Председатель Госкомстата России В.Л. Соколин заявил в своем докладе, что «перепись населения – это перепись ее народов»⁵.

В лучшем случае российскими специалистами проблема видится в том, чтобы найти наиболее оптимальный вариант организации переписи. Особенно если речь идет о фиксации так называемого «национального состава» и языковой ситуации в стране. Так, например, первичные дискуссии в эпоху горбачевской либерализации по вопросу о переписи сводились к главной дилемме: нужно определять заранее список народов или зафиксировать все возможные самоназвания, касающиеся национальной принадлежности, и тогда получить действительно подлинную картину, сколько народов живет в России⁶. Однако прежде чем перейти к анализу антропологического смысла (именно смысла, а не данных) переписей населения, отметим в целом феномен политики цифр, включая политику переписей. Не случайно данный сюжет в дисциплинарном плане относится нами не к этнодемографии или социологии, а к социально-культурной антропологии.

ПЕРЕПИСЬ И ГОСУДАРСТВО

Категоризации населения государств по принципу личностной идентификации на основе культурных маркеров (раса, этническая группа, язык, религия) имеет уже более чем двухвековую историю. Сегодня найдется немного государств, которые не проводили бы регулярные переписи населения. Причем, чаще всего причина от-

каза от данной процедуры кроется не в слабости государственного аппарата или в нехватке средств, а в угрозах, которые может заключать в себе сама процедура деления населения страны по различным маркерам коллективной идентичности.

Существующий исторический опыт крайне противоречив и чрезвычайно раз-

нообразен. Ставшая рутинной и стандартизированной процедура переписи во многих странах имеет много схожих черт, но и не меньше различий, а вместе с этим и социально-политических последствий. Пожалуй, разительно отличается наиболее известный нам опыт американских и советских переписей, который заслуживает сравнительного изучения. Вообще проблема статистики и государства слабо рассматривалась в контексте политической антропологии, в том числе и при изучении *этнографии государства*, которая остается *terra incognita* (пост)советского обществознания. Сразу же отметим одну из наших общеметодологических посылок, что без категоризации населения, т.е. без официальной процедуры *сертификации* коллективных идентичностей и тем самым без придания легитимности населению в рамках определенного политического образования не состоялось бы и современное государство, а также не смогла бы действовать и вся система международных отношений. С другой стороны, без более чувствительного и рефлексивного отношения к процедуре переписи населения можно упустить важнейшие моменты, которые происходят как в самом обществе, так и в научно-теоретических взглядах на то, что есть общество и государство и как осуществлять эффективное управление в современных условиях. Приведу лишь два примера значимости теоретической постановки данной проблемы для поведения государства в отношении переписи и для эффективности или разрушительности результатов переписи с точки зрения общественного управления.

Первый пример из опыта переписей в США. Еще два десятилетия тому назад американские антропологи инициировали в мировой науке пересмотр категории «раса» не как биологической категории, а как, прежде всего, социальной категории. На этот счет была даже принята извест-

ная резолюция ЮНЕСКО. В последние годы позиция большинства североамериканских ученых стала еще более радикальной: раса рассматривается не более чем культурный (идеологический) конструкт, который не подкрепляется никакими физиологическими, генетическими и социальными факторами⁷. Однако все попытки воздействовать на Бюро переписей США и устранить данную категорию из вопросника американской переписи пока закончились неудачей. Ибо слишком много политики, денег и бытовых эмоций, включая элементарный расизм, продолжают быть связанными с данной категорией. Максимум чего удалось добиться, это позволить в переписи США 2000 г. фиксацию множественной расовой принадлежности и расширения «номенклатуры» расовых категорий. В то же самое время более удачными оказались давние лоббистские усилия представителей ученого мира и общественности по признанию в качестве самостоятельной категории латиноамериканского населения США: испаноамериканцев («Spanish Americans» или просто «Hispanic»). Специальная совещательная комиссия по населению испанского происхождения, действовавшая при Бюро переписей США, добилась включения данной категории в программу, начиная с переписи 1980 г.⁸ В целом следует признать, что более гибкая процедура при категоризации населения США в ходе переписей, особенно прорывное введение в 1980 г. категории так называемых «дихайфинеитид америкэнс» (пишущихся через дефис), помогли ослаблению этнорасовой напряженности в стране и укреплению общегражданской лояльности старых и новых иммигрантов⁹.

Существенной уступкой экспертному сообществу и общественным группам давления было введение в переписи 2000 г. более широкой номенклатуры этнических категорий вместе с признанием принципа

сложного этнического происхождения. В итоге в США легитимно оформилась со всеми необходимыми «объективными» параметрами (численность, расселение, половозрастной состав, образовательный и социальный статусы и т.д.) многомиллионная группа, которая до этого была лишь смутно угадываемой частью американцев, говоривших с испанским акцентом. Так было, по крайней мере, для внешних обозревателей Америки. Спустя десять лет ситуация изменилась. Ее самое разительное проявление – это приветственные двуязычные (на английском и испанском) надписи в нью-йоркском аэропорту имени Джона Кеннеди и зазвучавшая на улицах и в университетских коридорах испанская речь, которой пользуются более 20 миллионов жителей страны.

Сторонники эссенциалистского (реалистского) подхода воспримут данную ситуацию не более как отражение переписью существовавшей этнической реальности в виде испаноамериканцев (как «этнуса», «субэтнуса», «этнографической группы» или «переходной группы» в зависимости от языкового жонглирования терминами), среди которых произошел некий «этнический процесс» или «возрождение национального самосознания», который реально отразила перепись. Однако дело обстоит сложнее: не будь переписи и дебатов по поводу особой переписной категории, а затем полученных статистических данных, то не состоялась бы и сегодняшняя общность под названием «хиспаник». Старожильческое испаноамериканское население США (не следует забывать, что территория страны к югу от Рио-Гранде, включая такие штаты, как Техас и Калифорния, была фактически аннексирована у Мексики только в середине XIX в.), конечно же, существовало до и помимо переписей населения, как существует многочисленная более современная миграция в США из Мексики и дру-

гих стран Латинской Америки. Но насколько я могу судить по собственным наблюдениям американского общества в последние четверть века, это было именно население, но не осознаваемая общность или даже особая группа населения со своим отличительным названием. Отличительное название существовало только на уровне уничижительных кличек типа «мексов», которыми могли назвать и живущего в Техасе американца с вековыми семейными корнями, уходящими в испанское колониальное правление, и недавнего мексиканского мигранта, временно работающего на плантациях Калифорнии. Да и то, даже клички разнились в зависимости от их субъектов и ареалов распространения.

Именно перепись сделала испаноамериканцев единой категорией, причем не очень понятно какой по своему смыслу: расовой, этнической или вообще без обозначения – «хиспаник» и все. Более точными словами, именно в результате переписи произошла легитимизация (конструирование) группы по самоидентификации, которая основана больше на языковой (никак не этнической!) отличительности. Почему не этнической, если этничность понимать в более строгом смысле, а не как любую культурную отличительность? Потому что между испаноязычным (чаще – двуязычным или просто с испанской фамилией) американцем-гехасцем, кубинским иммигрантом во Флориде и нелегальным «мокроспиночником» – мексиканцем из Калифорнии этнокультурная дистанция огромна, и сами себя они не воспринимают как единую группу. Единой группой их делают, прежде всего, переписные таблицы! А уже потом следует их интерпретация и трансляция этих интерпретаций на массовый уровень, и их воплощение в строчки бюджетов страны и штатов, а также в правовые тексты. Каким образом эта и сходная переписная инженерия скажется на раз-

витии американского государства, пока судить рано, ибо необходима определенная историческая дистанция, но некоторые проблемы и парадоксы будут нами отмечены ниже.

Второй пример тесного взаимодействия существующей научной парадигмы, идеологии и государственной политики связан с опытом первой советской 1926 г. и первой постсоветской переписи 2002 г. в России: в первом случае – с введением принципа этнической национальности («народности») в категоризацию населения и выработкой этнографами в этой связи списка наций, народностей и родо-племенных групп; во втором случае – с моими собственными попытками внести некоторые изменения в практику отечественных переписей населения после распада СССР и образования Российской Федерации. Поясню, о чем идет речь.

Моими коллегами перепись населения 1926 г. считается как «самая научная» прежде всего за то, что она зафиксировала самый длинный (не употребляю более содержательное слово «полный») список национальностей¹⁰. Так, например, Е.А. Семенова, исследовавшая вопрос об этнической информации в материалах переписей населения, считает, что перепись 1926 г. «по уровню научного профессионализма организаторов и разработчиков переписи, по уровню подготовки ее инструментария, по глубине анализа этнической ситуации в стране, по качеству публикации полученных материалов в советской истории осталась непревзойденной»¹¹. Аналогичной точки зрения придерживаются фактически все российские этнологи. Для меня же в такой оценке содержится проблема, ибо 56 опубликованных томов этой переписи составляют не только «уникальное издание с колоссальным объемом информации»¹², но и уникальный памятник, а точнее – фундамент грандиозной общественной утопии: построить «социали-

стические нации» из этнокультурного многообразия населения одного государства. Именно с переписи населения 1926 г. началась групповая категоризация населения по эксклюзивному этническому признаку и была утверждена этнонациональность как всеобщий атрибут личности¹³. Фундаментальную ущербность большой теории не смогли компенсировать ни энтузиазм профессиональных этнографов, ни открытость организаторов переписи, ни скрупулезность ее публикаторов. Более того, романтическая и одновременно идеологизированная вовлеченность этнографов в определение через перепись советских наций и народностей и в процесс «национально-государственного строительства» оказали противоречивое воздействие на общество и на саму науку.

После тоталитарных и идеологизированных манипуляций с советскими переписями после 1926 г. перепись 2002 г. многими мыслилась как возврат к некоей научной норме и как восстановление справедливости, в частности признание «непризнанных этносов». Смена политики отрицания в пользу политики признания этнокультурного разнообразия населения действительно является ключевой в сфере обеспечения эффективного управления на демократической основе. Отрицание в разных его формах (от прямого запрета на упоминание тех или иных групп до переадресации одних в другие) было распространено в советское время. Но принципиально, с точки зрения процедуры, а не ее последствий, это ничем не отличалось от оформления «советских наций и народностей», осуществленных во время переписи 1926 г. В том и в другом случаях имело место косвенное насилие или внешнее предписание, но политические результаты были противоположными: после 1926 г. всячески спонсировалось «преодоление национального неравенства» и «национальное развитие», а

также политика коренизации, а в последующие десятилетия отрицанием оформлялись депортации, утверждение статуса титульных наций в союзных республиках, ассимиляция и гомогенизация. Не произошло по этой части радикального изменения и в отношении фиксации этнических категорий в переписи 2002 г.

Закончилась неудачей наша попытка ввести категорию смешанной этнической идентификации, которая позволила бы фиксировать как «горизонтальную» двойную или множественную этническую лояльность (по родителям и среде проживания), так и «вертикальную» множественную идентичность от малых до более крупных сообществ, принадлежность к которым может ощущать один и тот же индивид одновременно или в разных ситуациях¹⁴. Научно-экспертное сообщество, включая Ученый совет Института этнологии и антропологии РАН, и специалисты Госкомстата России не поддержали данную новацию. Госкомстат России остался сторонником формирования официального «списка народов России» и даже подготовил собственные списки национальностей и языков. После критики этого списка был объявлен тендер на составление инструментария переписи по вопросам национальности и языка — до этого исключительная прерогатива Института этнографии. По результатам тендера институт получили возможность разработать такие документы.

После дебатов на Ученом совете ИЭА РАН¹⁵ институт не смог предложить и отстоять какую-либо единую и более модернизированную позицию, избрав путь расширения так называемого «списка основных национальностей» за счет включения названий этнических групп, культурная отличительность которых официально не признавалась (например, группа малых андо-цезских народов Дагестана, включавшаяся в состав аварцев), или она

была реанимирована из историко-этнографического материала энтузиастами открытия «новых этносов» и этническими активистами (например, алюторцы или сойоты). Впервые был также предложен принцип указания «групп» и «подгрупп» (на языке доминирующей теории, «этноса» и «субэтноса»).

Мышление в категориях группизма, а не в категориях сложного самосознания, а также представление об этнической общности как о фундаментальном и трудноменяющемся образовании в конечном итоге столкнулось с трудно преодолимыми методологическими и политическими трудностями. Прежде всего, аномальными стали восприниматься изменения советского периода, как, например, аваризация андо-цезских народов Дагестана или татаризация кряшен. Многими моими коллегами единственно правильным считается возврат к норме 1926 г., когда все эти групповые идентификации были зафиксированы. Но нынешняя ситуация оказалась гораздо более сложной и ее невозможно свести к одному варианту. Часть андо-цезских народов уже считает себя аварцами, часть продолжает сохранять идентичность андийцев, ахвахцев, ботлихцев и т.д. Но, как показывают мои собственные наблюдения, наиболее приемлемой для большинства этой части населения Дагестана была бы возможность считать себя как аварцами, так и андийцами, арчинцами или другими, но не в качестве «подгрупп аварцев». Однако методологический подход «группа-подгруппа» или «этнос-субэтнос» (будучи сам по себе новацией, но новацией недостаточной и половинчатой) даже не предполагает самой возможности двойной идентификации. Естественно, не предполагает этого и российская перепись, ибо «национальность человека может быть только одна». В итоге именно расширение списка, т.е. перечисление в «списке народов» двух-трех десятков до этого не выделявшихся

десятков до этого не выделявшихся этнических идентификаций, вызвало политическую напряженность в ходе подготовки переписи 2002 г., а среди экспертов и статистиков возникли острые споры и определенная сумятица.

Следует отметить, что в научных дебатах на тему «перепись и государство» нами замечена абсолютизация самой субстанции «государство». В определенном смысле государство является абстракцией и в любом случае – это соединение разного уровня компетенции и полномочий конкретных людей на государственной службе. В вопросе переписи государство не действует как моноголосный волеизъявитель, как это может быть в вопросах права или военных решений. Здесь имеет место столкновение многих интересов и представлений, здесь действует фактор инерции и компетенции бюрократии и наличия ресурсов. Здесь действуют современные политические озабоченности, не говоря уже об огромной массе разнонаправленных движений и действий в процедуре общенационального масшта-

ба и в исполнение которой вовлечены сотни тысяч людей. Наконец, в России (аналогичная практика имеется и в США) существует Государственная комиссия по проведению Всероссийской переписи населения 2002 г., в которую входят ученые, а не только государственные служащие, и которая призвана обеспечивать экспертную проработку принимаемых решений, но роль которой также может оказаться противоречивой¹⁶. В России роль комиссии по переписи-2002, сформированной исключительно из одних государственных служащих (за исключением профессора А.Г. Вишневого), фактически была сведена к минимуму, ибо все важнейшие вопросы решались в конечном итоге путем импровизационных решений чиновников и экспертов из числа госслужащих.

Наконец, в отношениях государства с процедурами переписей проявляются и непредвиденные обстоятельства, которые могут нарушить важнейший принцип регулярности проведения переписей и даже сам факт их проведения, о чем речь пойдет ниже.

ПЕРЕПИСИ В КОНСТРУИРОВАНИИ КАТЕГОРИЙ

Как это ни странно, но наиболее интересные исследования о значении статистики в установлении и отправлении государственного контроля были выполнены на примере колониальных владений. Бенедикт Андерсон в своей знаменитой книге «Воображаемые общности» обратил внимание на перепись как на один из первейших механизмов функционирования колониального государства (имеются в виду, прежде всего, колониально-административные образования в Латинской Америке). Именно он сравнил переписи с подобием «тотального, классифицирующего рашпиля (или гранильни)», которым государство проходило по собственной территории и тем самым превращало всех находящихся внутри этой территории в

свою собственность. Андерсон выделил ключевой момент переписей: именно через эту процедуру устанавливались различия, проводились границы и правительства обретали способность различать «народы, регионы, религии, языки» среди подвластного населения.

Само по себе очерчивание границ означало, что содержащиеся в их пределах компоненты могли и должны были быть подвергнуты счету и в итоге инкорпорированы в государственный организм¹⁷. *Вообще на протяжении длительной истории главной целью государства в проведении переписи населения являлось создание различной совокупности населения, чтобы сделать ее объектом политики и правовых процедур, как, напри-*

мер, сбор налогов или воинский набор. Во многом эта цель остается и поныне, но у переписей появилось и много других задач.

Еще одна интересная черта использования категорий идентичности в ходе переписей – это конструирование особого представления о социальной реальности. Все люди в пределах «переписных» пространственных границ зачисляются в одну единственную категорию граждан или жителей того или иного государства или региона. Тем самым в отношении всего данного населения осуществляется своего рода концептуализация политической общности, члены которой предположительно разделяют или должны разделять общую коллективную идентичность. Это не исключает, а даже предполагает и фиксацию «чужаков» (в ранних канадских, американских и других переписях эта категория и определялась как *aliens*, т.е. чужаки, иностранцы). В новейшее время эта категория обрела более изощренные градации («апатриды», «не рожденные в США» и т.п.). Но в любом случае всеобщая национальная перепись создает народ или нацию в более уверенном виде, когда эта общность посчитана и ей даже дано название (американский народ или нация, китайская нация – *миндзу* и т.п.). В случае с новейшей российской переписью впервые произойдет наиболее достоверное оформление того, что в Конституции страны определяется как «многонациональный народ», от имени которого и провозглашена Российская Федерация.

КАК СОЗДАЮТСЯ «НАСЕЛЕНИЕ» И «ГРУППЫ» В ПЕРЕПИСЯХ

Следует отметить, что первенство в проведении переписей населения принадлежит больше церкви, чем государству, по крайней мере, в Европе и Америке. Подробная регистрация прихожан и приверженцев церкви, особенно в лоне римско-католической церкви, началась еще в XVI в. и сохраняется до сих пор. Это дело

Помимо создания легитимной категории «населения», процедура переписи осуществляет предписание или просто способствует формированию воззрений людей на мир как на состоящий из отчетливых групп людей, порождая вслед за этим особое внимание к сторонам социальной жизни, которые до этого не имели существенного, а тем более официально-статусного значения. Именно в результате переписей сами критерии, по которым людей разделяют на категории, обретают дополнительную, а иногда решающую значимость. Невозможно отрицать, что изначально и поныне переписи населения построены на мировоззренческой посылке, что люди подразделяются на групповые категории (расы, этносы, граждане, не граждане, верующие и неверующие и т.п.), вместо того, чтобы рассматривать социальные связи гораздо в более сложном и подвижном контексте, а саму социальную группировку – как ситуативную процедуру. Как заметил Арджун Аппадураи, «для людей и для социальных типов статистика играет ту же роль, что и географические карты в отношении отражаемых на них территорий: они плоские и расчерченные»¹⁸. Таким образом, *данные переписи относительно категорий населения есть условность по отношению к самому населению в той же мере, как географическая или административная карта есть условность по отношению к отражаемой местности.*

поставлено столь хорошо среди, например, религиозных общин США, что необходимость включать в программу национальной переписи вопрос о религии фактически отпадает.

В Европе и Северной Америке создание национальных систем статистики развивалось с конца XVIII – начала XIX вв.

и было важнейшим средством модернизации государства. Одной из самых ранних периодических (раз в десять лет) переписей населения можно считать перепись 1790 г. в США. Именно с этого момента молодое независимое государство конституировало не только собственное население, но и первые его градации по группам, которые тогда еще не имели столь четкую дефиницию «расы» или «этнической группы», а скорее брали за разделительный принцип регионы происхождения его граждан. Причем, заметим, что территория, на которой разместилось новое государственное образование, никогда не была пустующей землей. К началу XVI в., когда началась европейская колонизация, здесь, на огромных просторах между восточным, атлантическим, и северо-западным, тихоокеанским, побережьями проживало около 3,5 миллионов индейцев, принадлежавших к 17 основным языковым группам. За два столетия индейско-европейских контактов болезни, завезенные европейцами, особенно оспа, а также преимущество обладания огнестрельным оружием, сделали свое дело. К моменту первой переписи 1790 г. на территории первых 13 штатов (это в основном восточное побережье) индейцы составили всего 1,2 % населения, которое и было зафиксировано переписью как «коренные индейцы» (Native Indian).

Появилась и была определена также как отдельная группа населения – африканские рабы. Прибытие первого раба-афроамериканца на территорию США (колония Джеймстаун – нынешний район Вашингтона) относится историками к 1619 г., но уже спустя 30 лет число африканских рабов достигло 50 тыс. (в основном, в Вирджинии и Массачусетсе). Когда проводилась первая перепись, то чернокожее население составило вторую по численности зафиксированную группу – 19 %. Самой многочисленной группой стали вы-

ходцы с Британских островов (British) – 70 % всего населения. Это было примерно три из четырех миллионов жителей Соединенных Штатов. Среди них были англичане, уэльсцы, шотландцы, ирландцы. Почему именно была выбрана категория «британцы» – вопрос господствовавшей идеологии и даже, возможно, случайного творчества авторов первой переписи. Но ясно, что представление о стране как о стране пилигримов – выходцев с Британских островов, восставших и отделившихся от своей матери-метрополии, было на тот момент господствующим. Оно и определило данную классификацию групп.

В ее основе еще не было родившегося позднее представления о доминирующем культурном компоненте, который получил название WASP (белый, англосакс и протестант). Ибо в переписи была выделена еще одна (четвертая) категория населения – «другие североευропейцы» (Other Northern European). Эти составлявшие 10 % населения были в основном выходцами из Голландии и Германии (точнее немецких княжеств, ибо Германии как таковой еще не было). Подавляющее их большинство разделяло ту же самую протестантскую веру. И хотя религия в тот исторический период была важнейшей формой идентичности, тем не менее, авторы переписи провели различие по линии «британец-североευропеец» прежде всего по политическим и, возможно, по меркантильным соображениям: чтобы «британцам» не делиться в равной мере всеми преимуществами основных «собственников» нового государственного образования. Со временем эти основные категории уйдут в небытие, ибо, прежде всего, изменилось само американское общество, но тем не менее заложенная первой переписью градация групп сохранялась очень долго и где-то ее отголоски сохранились до самого последнего времени.

В XIX в. США проводили регулярные переписи каждые 10 лет, и казалось бы несмотря на многочисленную иммиграцию (кстати, данное понятие тогда не употреблялось), это был период формирования единой американской нации, за исключением, конечно, рабов и индейцев, которые никакими правами не обладали и в категорию «американского народа» не входили. Однако представление самих американцев и внешних обозревателей о некоем едином народе было больше мифом, который создавался не только пропагандистами, но и в том числе самими переписями, несмотря на все более утверждавшуюся в них расовую градацию, т.е. деление жителей на группы-категории, называемые «расами».

Начиная с переписи 1850 г. появилась еще одна мощная разделительная линия между «рожденными в Америке» и «не рожденными в Америке», которая отражала очередной, сохраняющийся поныне принцип деления жителей страны по времени иммиграции. Смысл этой переписной категории состоял только в одном: держать недавнее иммигрантское население в приниженном положении и получать дивиденды от его сверхэксплуатации остальными «настоящими американцами», как будто бы все они сами когда-то не были иммигрантами. Этот рудимент общества жесткой дискриминации сохраняется и поныне, хотя смысл его присутствия в переписи сильно изменился, в том числе включая и обратные, «проиммигрантские» установки большей части современного американского общества.

С конца XIX в. переписи стали почти обязательной характеристикой современного государства, включая территории колониальных владений располагавших ими государств. Собирались специальные международные статистические конгрессы, на которых вырабатывались общие критерии и осуществлялся обмен информацией между представителями разных стран и

соответствующих национальных ведомств. Ссылки на решения данных конгрессов до сих пор можно встретить в методической литературе статистических органов, в научных работах статистиков, включая и российских экспертов и государственных служащих.

Утверждались данные процедуры нелегко и почти всегда в противоречии интересов государственной бюрократии и населения. Истории известны ранние попытки проведения всеобщих переписей, которые были отвергнуты населением и местными органами власти, как, например, во Франции в середине XVIII в.¹⁹ Аналогичные ситуации были в Канаде и США, где население, особенно вновь прибывшее, панически боялось введения новых государственных налогов и призыва на военную службу. Кстати, ранние переписи очень часто носили именно выборочный характер, ибо государству было важнее сосчитать не проживающее в нем население, а те субъекты, которые подвергались налогообложению или исполняли другие обязательства. Вот почему перепись могла охватывать только домовладения (именно они обкладывались налогом) и не считать представителей тех групп населения, которые налогами вообще не облагались (как, например, до переписи 1820 г. американские индейцы, проживавшие на территории резерваций и не считавшиеся гражданами).

Первая всеобщая перепись населения в Российской империи 1897 г. дала действительно богатейший материал о жителях столь крупного и сложного по составу населения государства. Восприятие и интерпретация историками этой переписи до сих пор содержит в себе много мистификаций и постфактических рационализаций, как, например, «опрокидывающий в прошлое» подсчет численности русских по параметрам «родного языка» и «вероисповедания», а не по самоидентифика-

ции. Последней как категории в то время для переписчиков не существовало (что такое «национальность» население просто не знало), но которая действительно могла быть единственным критерием этнической принадлежности, в том числе к русским. Причем само содержание понятия «русский» (так же, как «татарин», «таджик» и т.д.) пережило самые причудливые трансформации. Все это слабо учитывается учеными.

Так, например, в упоминавшемся выше труде Б.Н. Миронова приводятся таблицы распределения русских по районам Российской империи в 1897 г. и этнического состава населения России в 1719–1914 гг.²⁰ В первой таблице, составленной на основе общего свода данных переписи 1897 г., те, кто назвал русский язык родным, были квалифицированы (уже исследователем, а не публикаторами переписи) как «русские». В этой операции «склейки» этнонима и носителя языка есть две существенные проблемы. Так, в конце XIX в. в России родным считался скорее тот язык, которым человек лучше всего владел и чаще всего пользовался, не обязательно совпадавший с названием его народности. Значительная часть нерусского населения страны, особенно народы Европейского Севера, Поволжья, Северного Кавказа и западных регионов России, уже подверглась языковой ассимиляции в пользу русского языка. Если бы из этой категории были бы вычленены хотя бы неправославные, тогда, возможно, численность этнических русских была бы точнее, но эта операция никем из исследователей не проводилась. Сделать это нужно было при обсчете первичных данных переписи, но такой операции сделано не было, ибо, прежде всего, в ней не нуждались сами организаторы переписи, поскольку в то время русскими могли считаться все, кто исповедывал православие, не говоря о малороссах и белорусах. Что же касает-

ся этнического состава дореволюционного населения России в историческом разрезе, то используемые для этого данные В.М. Кабузана и С.И. Брука²¹ нуждаются еще в более серьезной коррекции. «Русский» в XIX в. и «русский» в XX в. так же различались, как и содержание названия «татарин». Не случайно, в переписи 1926 г. переписчикам нужно было уточнять у тех, кто назвался «русским», не является ли он «малороссом» или «белорусом». Сужение понятия «русскости» до этнической категории произошло уже после и в результате переписи 1926 г.

Какие категории изначально вводились в переписях? Прежде всего, стандартной категорией стало проживающее население (иногда с добавлениями – постоянное, непостоянное, совокупное и пр.). С конца XIX в. государства всегда хотели считать всех, кто находился в пределах его границ. Поэтому главной разделительной категорией стала категория *граждане – не граждане*. Близкой, но отличной от первой, стала категория рождения в государстве и за рубежом. Обе категории имели большие нагрузки и в то же время свои особенности.

Категория «граждан» и «иностранцев» была особенно значима в тех государствах, где господствовала жесткая якобинская формула *нации* как согражданства и не признавались никакие другие внутренние подкатегории. Франция на протяжении почти двух столетий наиболее последовательно отстаивала процедуру проведения собственных переписей. В стране были только «французы» и «иностранцы», последних учитывали по странам происхождения (как иммигрантов в США и Канаде). В 1962 г. категория «иностранцев» была распространена на новую группу населения, которую стали называть «натурализованными французами».

О том, насколько болезненно во Франции государство и многие политики блю-

ли «чистоту» нации, говорит хотя бы тот факт, что в начале 1980-х гг. Генеральный секретарь компартии Франции Жорж Марше отправил в Политбюро ЦК КПСС жалобу на Институт этнографии АН СССР за то, что в изданном демографическом справочнике «Народы мира» (автор С.И. Брук) население Франции разделялось на отдельные народы (собственно французы, корсиканцы, бретонцы и другие). От выговора институт и автора справочника спасли начавшиеся идеологические потепления и испорченные отношения между двумя компартиями²².

Для стран массовой иммиграции не менее важной была категоризация населения по странам происхождения. Вопрос о месте рождения присутствовал фактически во всех переписях США, а позднее – в переписях Канады, Австралии, Великобритании. Поскольку этничность не имела того значения, которое она обрела позднее, то все выходцы из Российской империи учитывались на протяжении десятилетий как люди из «России» или как «русские», хотя этнические русские среди них составляли явное меньшинство, а преобладали евреи, поляки, украинцы, финны²³. Последние исследования выявили, что только 2 % «русских» иммигрантов в США могут считаться этническими русскими²⁴.

В российской переписи 1897 г. вопрос о гражданстве отсутствовал, ибо все жители страны считались подданными российского императора и никакой дополнительной легитимности для определения населения страны не требовалось. Важнейшую градацию на грани гражданской и культурной идентичностей представляли собою категории «православные» и «иногородцы». Как и во многих переписях того времени, российская содержала вопрос об языке, что дало позднее основу для исторических реконструкций этнического состава населения страны. Однако выполненные историко-демографические

исследования о русских, как мы уже отметили, не различают исторически обусловленные формы идентичности и как бы опрокидывают в прошлое нынешнее представление о «русском этносе». Неучет изменения самого содержания *русскости* и механистические проекции данных переписей и других более ранних описей населения в конечном итоге приводят исследователя к политически предпочтительным выводам о русских не как о меняющейся во времени форме личностной идентификации, а как о некоем исторически оформившемся и длительно существующем коллективном теле, которое и осуществляет акт российского государствообразования и тем самым делает его (государство) легитимным.

В советских переписях озабоченность государства по поводу единого народа не находила отражения, ибо не существовало и самой этой озабоченности: факт существования, т.е. изначальная легитимность *советского народа* обеспечивались не через всеобщий переписной референдум, а через другие механизмы, в том числе силовые и идеологическо-пропагандистские. Категория «народа» в переписях была отдана в пользу этнических идентификаций, которые в свою очередь были оформлены как «народы СССР» или «советские нации». Эта идеология дожила до сегодняшнего дня и программа переписи 2002 г. в ее нынешнем варианте продолжает считать «народы России», а не статистические категории учета этнических идентификаций среди российского народа.

Смысл переписных данных не предполагает наличие такой категории, как российский народ, хотя россияне в этнокультурном, расовом и религиозном отношениях более гомогенны, чем, например, современные американцы, а тем более индусы или индонезийцы. Но представить себе, что авторы американских

или индийских переписей отдали бы категорию «народ» для подсчета культурно различительных групп населения, крайне трудно и даже невозможно: миф о едином американском народе или об индийской нации начал бы мгновенно рассыпаться, как и сама гипотетическая общ-

ность. В равной мере не считают «народы» и другие национальные переписи, резервируя столь мощную категорию для всего населения государства и тем самым соблюдая основную миссию переписи, о которой я сказал выше: *создавать народ для государства*.

ИЗОБРЕТЕНИЕ КУЛЬТУРНЫХ КАТЕГОРИЙ

Наиболее сложным и запутанным вопросом переписей был и остается вопрос об использовании культурных категорий в отношении населения государств. Такой первичной категоризацией во многих случаях стало деление населения по расовому составу. Эта категоризация основывается на выборе определенных физических черт личности и конструировании на этой основе биологической категории в отношении носителей этих черт. Своего рода пионером данной новации выступили США, где сложилась давняя традиция деления населения на взаимно исключающие расовые категории. Хотя отношение и содержание понятия *раса* менялось, тем не менее оно стойко сохранялось в практике переписей, и именно переписи представляли собою главную сферу общественной деятельности, через которую конструировалась расовая номенклатура населения страны. Более того, именно переписи придавали легитимность и создавали научную ауру расовой идеологии и общественной практике.

Вопрос о расе появился в переписях США с 1790 г. в форме простой дихотомии – *черные* и *белые*. Но со временем в США произошла сложная метаморфоза смешения расовых и этнических категорий, ибо исходная методологическая позиция основывалась на том, что обе категории имеют эксклюзивный характер (они не могут носить множественную природу) и объективно связаны или даже предопределены происхождением. Именно как «раса» появились категории *индейцы*

и *китайцы* в переписи 1870 г., *японцы* – в переписи 1890 г., *филиппинцы*, *индусы*, *корейцы* – в 1920 г. (в 1950 г. две последние категории элиминировали). В 1930 г. записывали отдельно *мексиканцев*, но потом от этой практики отказались. В 1960 г. появились *гавайцы*, *эскимосы*, *алеуты*.

Последние десятилетия XX в. были временем огромного интереса к феномену коллективных идентичностей. В США этот вопрос вышел далеко за пределы академического сообщества и вызвал ожесточенные дебаты с большими социальными и политическими последствиями. Отчасти это было вызвано болезненным наследием американского расизма и сохраняющимися расовыми проблемами, а также новыми волнами иммигрантов, которые во многом изменили облик современной Америки и ее идеологических устоев. Родившаяся формула «многокультурности»²⁵ оформила взгляд на страну и ее население как разделенной на определенное и фиксированное по групповому членству число различных «культур», каждая из которых заслуживает своего достойного исторического места, статуса, равного обращения и уважения, а также, возможно, и специальной поддержки. Этот новый общественный климат отразился и на практике переписей, а вместе с этим и на представлениях, что есть население Америки и кто есть американцы.

В 1977 г. в США была введена руководящая директива различения в федеральной статистике, включая и переписи, этнических и расовых групп населе-

ния. В итоге, начиная с переписи 1980 г., к «расовым» категориям были добавлены *корейцы, вьетнамцы, индусы, гуамцы и самоанцы*. Отдельный вопрос касался лиц испанского происхождения. В последней переписи 2000 г. эти категории остались фактически без изменения, внося огромную путаницу в этнорасовую классификацию. Именно перепись 1980 г. в США ознаменовала попытку придать этническую принадлежность каждому американцу, для чего была использована новая категория «происхождение» (*ancestry*), а также данные переписи по языку. Но вопрос о языке был сформулирован плохо, и эта формулировка часто менялась. Появившиеся в итоге исследования, в том числе и знаменитая гарвардская «Энциклопедия этнических групп в США», стали своего

рода памятником устаревшей методологии или не очень удачным реверансом в пользу феномена «этнического возрождения».

Закономерность здесь была одна: как только вводилась новая категория, так сразу же увеличивалось число желающих в ней находиться, хотя все предыдущие оценки численности культурно отличительных групп этого не фиксировали. Так, например, число американцев словацкого, хорватского и франко-канадского происхождения удвоилось между переписями 1980 и 1990 гг., а число акадийцев (кейджианс) увеличилось в 60 раз. Все эти четыре категории в переписи 1980 г. отсутствовали и их подсчеты делались на основе других данных. Появились они только в переписи 1990 г.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ТУПИК АМЕРИКАНСКОЙ ПЕРЕПИСИ

Несмотря на убежденность, что Америка страна свободного культурного многообразия и что американская нация построена не на принципах крови, происхождения, национальности или религии, а на всех объединяющем идеале либеральной демократии, отношение к культурному (этнорасовому, языковому, религиозному) разнообразию в этой стране было очень даже непростым. Масштабной и длительной дискриминации подвергались такие большие группы населения, как негритянские рабы и их освобожденные потомки, американские индейцы, иммигранты-католики, китайские и мексиканские сезонные работники и еврейские торговцы. Многие проблемы или их последствия не решены и по сегодняшний день. Как пишет бывший директор Бюро переписей США Кеннет Приуитт, комментируя прошедшую перепись 2000 г., «в этой стране, хотя мы и живем вместе, но это не всегда получается мирно. Не всегда это совместное проживание было справедливым, и нет гарантии, что в пред-

стоящие десятилетия мы будем жить по-другому. Есть проблемы, которые нам необходимо решать, особенно те, которые были вскрыты недавно проведенной переписью населения»²⁶.

Что имеет в виду автор этого замечания? Это то, что каждая новая перепись вскрывает массу проблем американского общества, особенно социального характера. Прежде всего, это – впервые осуществленная в истории американских переписей опция *множественной расы*, т.е. возможность указания множественной расовой принадлежности. По мнению Кеннета Приуитта, этот вопрос затрагивает саму суть конфликта между единством и многообразием в Америке: «Вариант множественной расы, по моему мнению, вызвал колебания, которые сигнализируют о наступлении политического и социального землетрясения. Это землетрясение случится вопреки, казалось бы, противоположной данному предсказанию тенденции в национальной демографии»²⁷.

Что же это за «принципиально новое», если Америка уже пережила в своем развитии радикальные перемены в характере своей национальной мозаики? Как известно, в XIX – начале XX вв. иммиграция изменила облик страны, первоначально основанный на северо-европейском, протестантском компоненте. В начале XX в. американское общество представляло собою уже сплав протестантов, католиков и евреев-иудеев. Но эта масштабная и со значительными последствиями перемена не идет в сравнение с тем, что произошло с Америкой во второй половине XX в. Ее народ стал представлять в буквальном смысле все известные цивилизации, культуры и языки, т.е. американские граждане стали не просто культурно сложным обществом, но своего рода первой в истории «мировой нацией» или «нацией мира» (world nation).

И вот здесь, пожалуй, впервые мы ставим вопрос об исторической уязвимости американского проекта, по крайней мере, в том его виде как он отражается и реализуется переписной процессуальностью. Если внимательно посмотреть на итоги последней переписи, то получается следующая картина. Вопрос о расе позволял выделить 15 отдельных групп, но на самом деле, если не считать подгруппы в категории «азиаты», то базовая система расовой классификации признает только шесть категорий: *белые, черные, азиаты, индейцы и аляскинские аборигены, коренные гавайцы и жители тихоокеанских островов и другая раса*.

По сравнению с переписью 1990 г. здесь только одно отличие: гавайцы и другие тихоокеанцы выделились из «азиатов» в самостоятельную категорию. Более серьезное и принципиальное отличие отразилось через впервые предоставленную возможность ответа на вопрос об «одной или более» расовой принадлежности. Варианты ответов в рамках вышеназванных

шести категорий позволяют получить 63 отдельных расовых группы (точнее, группировки). Выделенная как этническая категория *испаноамериканцы и не испаноамериканцы* разделила все население еще на две дополнительные категории, позволив тем самым зафиксировать 126 возможных расовых/этнических группировок.

Что в итоге отразилось в инструкции к вопроснику – «отметьте одну или более рас»? Хотя не так уж и много американцев указали множественную расовую принадлежность (около 7 миллионов или 2,4 % населения), однако среди детей доля «многорасовых» американцев в два раза выше, чем среди взрослых. Это означает, что с каждой следующей переписью и по мере возрастания числа межрасовых браков, а также психологического привыкания к подобной опции, это число будет продолжать расти. Как отмечает Кеннет Приуитт, «...что действительно имеет экстраординарный смысл, так это то, что нация неожиданно перешла, причем с минимальным пониманием последствий, от ограниченной и сравнительно закрытой расовой таксономии к варианту, у которого нет никаких ограничений. В будущем расовые категории, несомненно, станут более многочисленными. А почему нет? Какие основания у правительства объявить, что “все, хватит”? Когда существовали только три или даже четыре, и пять категорий, тогда такая позиция имела бы смысл. Но сейчас мы, как нация, как мы можем решать, что позволенное для нынешней переписи 63 расовых или 126 расово-этнических групп есть то самое “правильное” число? Это уже невозможно сделать, как и не может быть никакого другого “правильного” числа. Не существует ни политических, ни научных ограничителей»²⁸.

Более того, по причине поколебленных современной наукой основ расовых подразделений, позицией государства при проведении переписи может быть только прин-

цип самокатегоризации, который отныне должен распространиться на всю систему официальной статистики. Расовая принадлежность – это личный выбор каждого опрашиваемого. Никто не способен отказать американцу с самой малой долей «белой крови» указать, что он в расовом отношении принадлежит к «черно-белой» или к «индейско-белой», или к «черно-азиатской», или к «азиатско-гавайской» расовой группе. Основанная на расовых и этнических параметрах политика идентичности будет неизменно усиливаться в США пока с той или иной формой идентификации связано распределение определенных общественных благ и преимуществ.

Наверняка, скоро в США появятся новые группы, которые будут требовать признания и удовлетворения их специфических запросов и требований. Например, арабско-американская община в лице своих активистов уже заявила о желании стать «расовой группой» при проведении переписей. Без признания через перепись невозможно сформулировать те или иные программы и требования. Все это означает, что *вся нынешняя система расовой таксономии имеет одновременно слишком мало и слишком много категорий и по этой причине является уязвимой и более того – несостоятельной с точки зрения будущего развития Америки.*

Эта историческая несостоятельность просматривается в следующих возможных коллизиях. Во-первых, под вопросом оказывается вся система на основе статистической пропорциональности устранения дискриминации в различных общественных сферах и в области гражданских свобод и политических прав. Этот механизм радикально ослабнет по мере того, как будет возникать все больше и больше расовых групп и подгрупп. Во-вторых, в случае ослабления американской экономической мощи и возможного роста конкуренции за рабочие места в США неми-

нуемо ослабнет эйфория от формулы многокультурности, и вполне могут снова возникнуть антииммигрантские и расистские установки и конкретная политика. Формула процветающей и прочной этнорасовой мозаики не является раз и навсегда данной для этой страны. Любой более или менее серьезный кризис, в том числе и политический, порождает всплески ксенофобии и экстремизма, которые всегда присутствуют в американском обществе. В-третьих, длительно существовавшая толерантность в религиозной сфере до этого касалась, главным образом, протестантско-католического диалога и нет уверенности, что столь же естественно он может распространиться на растущих численно мусульман, индуистов и буддистов. Наконец, расширение, но не элиминация номенклатуры групповых категорий в современных условиях вполне может означать конец старой основы иммигрантского общества – это стремление «стать американцем», означавшее разную степень ассимиляции. Теперь обращение к групповому партикуляризму иммигрантов с высоким социальным статусом и из вполне состоятельных стран, а также использование групповых прав становится средством преуспевания, а не маргинализации, как это было еще 50 лет тому назад. *Америка должна будет стать другим обществом, где на смену неудобным «расовым» категориям может прийти формула «многонациональности», которая является саморазрушительной для любого государства. Это и будет возможное прощание с Америкой.*

Конечно, не перепись виновата в столь тревожном прогнозе и в сегодняшнем манипулировании этническими и расовыми категориями. Но без переписи это манипулирование было бы невозможным. Америка умела находить ответы на самые серьезные вызовы и решать проблемы собственного общества. Мое ощущение, что

одним из таких ответов к моменту следующей переписи 2010 г. будет устранение из программы вопросов о расе и об

этничности. Исправить в этой изначально несостоятельной процедуре едва ли что-либо удастся.

ПОСТСОВЕТСКИЕ ПЕРЕПИСИ

Первые постсоветские переписи населения имеют исключительное общественно-политическое значение, ибо это своего рода финальные акции в процессе образования новых государств. *Во-первых*, этими акциями официально устанавливается факт наличия населения государства, а, значит, тем самым легитимизируется и само государство. *Во-вторых*, в условиях многих неопределенностей, включая возможные территориальные споры (между рядом постсоветских государств до сих пор нет обоюдно и официально признанных границ), переписи охватывают не только население, но и территории в пределах новых государственных границ, делая после этого внешние претензии более трудными. *В третьих*, только переписи могут наиболее полно отразить миграционно-демографические и социально-культурные перемены в ходе общественных трансформаций, вокруг которых ведутся принципиальные политические дебаты. *В-четвертых*, в ходе первых переписей можно реализовать конструирование облика новых наций и государств, подправив через переписные категории и манипуляции неудобную «жесткую реальность», как, например, выяснить, кто есть «главный», а кто есть «меньшинство». *Наконец*, именно в этом раунде переписей, как никогда, возможны новации и неизбежны коллизии новых методологических установок с опытом советских переписей, новых и старых взглядов и политических интересов, а также более открытое соотношение отечественного и международного опыта в проведении переписей.

Интересен сам эксперимент осуществления отличающихся в разных странах переписных программ на однородном в со-

циально-культурном плане человеческом материале – бывших советских согражданах. Однако этот сравнительный аспект остается задачей последующих исследований. Отметим только, что к началу 2003 г. 11 стран бывшего СССР провели переписи населения. Это – Азербайджан, Армения, Белоруссия, Грузия, Казахстан, Молдавия, Украина, Латвия, Литва, Эстония, Таджикистан. В 2002 г. перепись прошла в России. Планируют провести перепись Узбекистан и Туркменистан. В целом советские традиции статистики, образованное население и достаточные (хотя и скромные) материальные ресурсы позволили провести переписи на должном уровне, если сравнивать ситуацию по аналогичным среднеразвитым странам, проводящим всеобщие переписи. Проблемы возникли в других достаточно неожиданных для организаторов переписи аспектах.

В конце 1998 г., когда пришла пора назначать дату очередной переписи населения, российские власти оказались не готовы к осуществлению этого мероприятия по материальным (финансовым), политическим и морально-психологическим причинам, хотя Государственный комитет по статистике Российской Федерации (Госкомстат России) уже задолго готовился к проведению переписи в 1999 г. Официальным объяснением переноса сроков переписи были последствия финансового дефолта 1998 г., когда российская казна оказалась без необходимых средств. Однако, на наш взгляд, были и другие не менее существенные, хотя и необъявленные причины, среди которых самая важная – это боязливое нежелание администрации Б.Н. Ельцина фиксировать негативные итоги реформ, о которых предпочи-

тала говорить значительная часть общества, включая академическое сообщество. В наличии «демографической катастрофы» и в «обнищании народа» были убеждены почти все, а не только оппозиционные политики и ученые. Коммунистическая оппозиция готовила Ельцину импичмент, в том числе и за «геноцид против народа». Это оказало влияния на решение не проводить перепись в 1999 г. Другой причиной была дезорганизация самой статистической службы в условиях, когда часть бывшего руководства Госкомстата России была арестована по обвинению в коррупции, а новое руководство чувствовало себя еще неуверенно для осуществления столь важного мероприятия. Пришедший к власти новый президент В.В. Путин не считал возможным проводить перепись в начальный срок своего пребывания у власти. В итоге дата переписи оказалась сдвинутой на октябрь 2002 г.

Особый вопрос – это роль и позиция Госкомстата России, который часто в работах ученых и в журналистских публикациях изображается как бюрократический монстр без позитивных устремлений. Госкомстат чаще всего называется виновником всех проблем и недостатков переписей. На наш взгляд, антропологический анализ этого ключевого актора должен включать более чувствительный подход, чем демонизация учреждения. Для должного анализа феномена переписи невозможно игнорировать то обстоятельство, что Госкомстат России, прежде всего Управление по переписи населения и демографической статистике, занимался постоянно подготовкой первой российской переписи, начиная с пробной переписи 1997 г. и даже еще раньше. Своего рода репетицией предстоящей всеобщей переписи была микроперепись 1994 г. В 1995 г. прошло Всероссийское совещание статистиков, где речь шла о подготовке первой постсоветской переписи.

Достижением Госкомстата России была подготовка и проведение через Федеральное Собрание закона «О Всероссийской переписи населения» (принят Госдумой 27 декабря 2001 г. и подписан президентом 25 января 2002 г.), которым впервые в истории государства создавалась законодательная основа для проведения переписей. Однако федеральный закон содержал несколько уязвимых положений: из старого опыта было взято худшее, а нововведения были далеко не самыми лучшими. Но самое интересное – это идеология переписи, которая частично отражена в краткой преамбуле закона: «Всероссийская перепись населения является основным источником формирования федеральных информационных ресурсов, касающихся численности и структуры населения, его распределения по территории Российской Федерации в сочетании с социально-экономическими характеристиками, национальным и языковым составом населения, его образовательным уровнем».

Выделим два момента в этом определении. *Во-первых*, перепись – это всего лишь «федеральный информационный ресурс», предназначенный для использования в управлении, а не источник информации и ресурс для всего общества, в том числе для науки и для других общественных структур и институтов. Это зауженное понимание миссии переписи оказало влияние на поведение правительственной бюрократии в отношении переписи как исключительной собственности госаппарата, а не как общероссийского дела. Государственная комиссия по проведению переписи носила формальный характер. Вопросы решали (справедливости ради, во многих случаях не без консультаций с учеными) некоторые вовлеченные в это дело министры, ответственные работники Администрации президента и центрального аппарата Правительства РФ, и, конечно

работники Госкомстата. Во-вторых, для нас имеет важное значение сформулированная в законе задача определения «национального и языкового состава населения». Естественно, под «национальным составом» имелись в виду численность, размещение и другие параметры проживающих в стране этнических общностей. Но что имелось в виду под «языковым составом»? Естественно предполагать, что выяснение, какими языками владеет и на каких языках разговаривает население, т.е. выяснение языковой ситуации для целей образовательной и культурно-информационной политики. Однако многие акторы переписи понимали задачу переписи в данной сфере по-другому.

Как закон определил основные сведения о населении, которые могут (подчеркнуто мною – В.Т.) собираться в ходе переписи? Среди прочих, в этом перечне числятся «национальная принадлежность» и «владение языками (родной язык, русский язык, другой язык или другие языки)». Это не окончательные формулировки вопросника, но в его разработке текст закона сыграл определяющую роль. Именно на закон ссылались ключевые акторы в тех случаях, когда трудно воспринимались отличающиеся от текста закона формулировки или когда нужно было заблокировать новации.

Принятие закона в декабре 2001 г., а перед этим проведение в ноябре 2001 г. Госкомстатом России и Российской академией государственной службы симпозиума о международном опыте переписей означали завершение подготовительной стадии переписи. Как мне представляется, в конце 2001 г. ни для властей, ни для ученых не было вопросов в отношении законодательной основы переписи, а программа переписи (вариант вопросника был роздан участникам симпозиума), казалось, была определена окончательно, как и принятый федеральный закон. Симпозиум 27–28 ноября и расширенная кол-

легия Госкомстата 29 ноября 2001 г. с участием руководителей региональных статуправлений и руководителей статистических ведомств других постсоветских государств прошли в оптимистических тонах, включая хвалебные слова в адрес отечественной статистики со стороны руководителя Статистического отдела ООН²⁹. Однако это не сняло ряд проблем в организации переписи.

Под воздействием реакции общества на перепись, а также, возможно, по соображениям личностного или корпоративного характера организаторы переписи были одержимы вопросами обеспечения конфиденциальности и анонимности, которые часто смешивались друг с другом. Я не имею этнографических наблюдений, но вполне допускаю, что большинство высших федеральных чиновников, будучи богатыми людьми и проживая в дорогих загородных особняках, могли имплицитно проецировать перепись на свою личную ситуацию и отторгать более жесткий подход к переписи. Закон установил сомнительный принцип добровольного участия в переписи как «общественной обязанности человека и гражданина», что впоследствии сыграло отрицательную роль в обеспечении главных условий качественной переписи – это ее всеобщего охвата населения и точности сообщаемых данных. Никто принцип добровольности не подвергал сомнению до момента публикации в «Независимой газете» (30.09.2002) моей статьи «Перепись должна быть обязательной». Однако за десять дней до начала переписи уже было поздно сделать какие-либо поправки к закону за столь короткий срок. Как сказал мне один из депутатов Госдумы, «твоя статья стала нашим позором, но мы же не специалисты-универсалы, чтобы все предвидеть».

Мне представляется, что авторы закона и Государственная дума продемонстрировали недостаточную компетенцию в области правового обеспечения переписей

населения, а также не учли ситуацию с правовым сознанием и с состоянием гражданской ответственности среди населения России. Понятие «общественная обязанность» ушло из сознания россиян с крахом коммунистического правления, а новое чувство ответственного гражданина еще не сформировалось. Почему международные эксперты, в том числе и представители ООН, не обратили внимания российских коллег на эту проблему? Ответ на этот вопрос мне неизвестен.

В апреле 2002 г. правительственные чиновники, ответственные за перепись, усугубили дело тем, что сняли с вопросника указание имени и фамилии опрашиваемого, видимо, не будучи уверенны в обеспечении конфиденциальности информации со стороны самого государства. В советские времена перепись действительно не была правовой обязанностью, но тогда исполнение «общественной обязанности» гарантировалось всеобщей покорностью граждан и партийным контролем. В новых условиях эти механизмы уже не работали. Анонимность не добавила гарантий проведения качественной переписи и даже, наоборот, снижала ответственность опрашиваемого за точность информации в момент опроса. По некоторым данным, инициаторами введения анонимности вопросника были министр труда и социальной политики А.П. Починок и некоторые чиновники из администрации Президента. Именно А.П. Починок на расширенном заседании Государственной комиссии по проведению переписей 28 апреля 2002 г. представил анонимность как высшую форму обеспечения конфиденциальности, а также демократичности самой процедуры. Госкомстат не пытался оспаривать это решение, но придумал маневры, компенси-

рующие некомпетентные вторжения влиятельных лиц. Были разработаны инструкции, как записывать опрашиваемых, чтобы обеспечить контроль за опросом и выполнение проверочных процедур. Кроме этого, в одной из форм вопросника фиксировались адресные данные и даже имя и фамилия. И все же переписные листы утратили столь необходимые не только для проверки, но и для будущих историков личностные данные.

Таким образом, проблемы организаторов переписи и государственного аппарата в целом заключались в следующем. *Первое* – это трудное восприятие возможных новелл и слабая заинтересованность в их воплощении. Преимущество данных и привычная ясность для практических работников казались более важными, чем эксперименты, а тем более радикальные изменения в программе. Эта позиция вполне понятна, особенно в условиях запаздывания с проведением переписи и цейтнота времени в самый канун переписи, когда дискуссии и изменения могли сорвать график подготовки и даже саму перепись. Но понимание не есть оправдание, а только основание для вывода о необходимости более открытого и глубокого обсуждения этих проблем на более ранних стадиях подготовки. *Вторая* проблема заключалась во внешних вмешательствах влиятельных правительственных чиновников и Администрации президента, которым было почти невозможно противостоять, а также в недостаточном взаимодействии с экспертным сообществом, даже если последнее само не выступало монолитным сторонником обновленного подхода к переписи в вопросах национальности и языка.

ПРОГРАММА ПЕРЕПИСИ: ВЗГЛЯД НАЗАД ИЛИ ВЗГЛЯД ВПЕРЕД?

Что касается программы переписи, то ее организаторы психологически не были настроены переписывать новую страну и

новую ситуацию, ибо с начала 1990-х гг. значительная часть российского общества и большинство экспертов хронически

пребывали в состоянии отрицания настоящего. Так, например, за последние 10 лет в стране уже фактически не стало коммунальных квартир, а владельцев двух квартир стало больше, чем проживающих в коммунальных квартирах. В России имеется около 40 миллионов дачных участков, т.е. второго жилья разного типа – от летних домиков до благоустроенных особняков. Однако программа переписи 2002 г., как и предыдущая перепись, предусматривала дополнительный опрос по жилищным условиям с подробным выяснением условий живущих в коммунальных квартирах и фактически не предусматривала сбор сведений о втором жилье. Это вполне совпадало с господствующим общественным климатом по части самовосприятием страны как страны разрушенной и пребывающей в жестоком кризисе. Даже президент Путин называл Россию «очень бедной страной», не говоря уже о прессе и об ученых.

Другим важным элементом господствующей парадигмы кризиса стал миф о демографической катастрофе в России и «вымирании нации» под воздействием реформ. Текущая статистика Госкомстата давала оценочную численность населения на 2002 г. в 143 миллиона человек, т.е. почти на пять миллионов меньше чем в 1989 г. Сильно разойтись с этой цифрой по итогам переписи Госкомстат не мог, не поставив под сомнение корпоративный престиж. В течение последних 7–8 лет наука и статистика дружно кормили друг друга поверхностными и политизированными разговорами и данными о катастрофическом падении численности населения и о предстоящей утрате трети или половины населения. Эти же данные, к сожалению, были использованы и ООНовскими структурами в оценке демографических процессов в России. В свою очередь «прогноз ООН» стал главной отсылкой для подтверждения демографической катастрофы.

На интернетовском сайте Госкомстата по переписи населения в разделе «аналитика» была помещена единственная статья профессора МГУ Бориса Хорева, перепечатанная из коммунистической газеты «Завтра», под названием «На краю гибели», в которой изложены алармистские и национал-шовинистические взгляды на демографические проблемы страны. Хорев пишет о том, что «к концу XXI века на территории русской земли останется не более четверти ее сегодняшнего населения» и делает следующий заключительный вывод: «Противоядие, которое существует, – постепенное вовлечение в Союз Белоруссии и России, одну за другой, всех стран СНГ. Но тут совершенно ясно нарастание противоречий с американским империализмом, который, пользуясь нашей сегодняшней слабостью, хотел бы эти страны от нас отсечь. Поэтому нужен прочный союз с Китаем и Индией, который позволит противостоять Западу. Все вышесказанное означает только одно – Россия стоит на краю гибели. Русский этнос может остаться в XXI в. государствообразующим только при полной смене властного режима, осуществляющего катастрофический для страны курс, и создания правительства национального согласия». И этот политизированный бред, помеченный датой 11 июля 2002 г., был помещен на официальный сайт Всероссийской переписи населения! Не случайно, общество было буквально запрограммировано установкой, что перепись должна «посчитать, сколько нас осталось» (такое название газетной статьи в «Независимой газете» было одним из многих аналогичных вариантов газетных заголовков, посвященных переписи).

Что касается программы переписи по части вопросов о национальности и языке, то здесь в конечном итоге был использован советский опыт восприятия этих субстанций, хотя на начальном этапе Госкомстат проявил большую долю самостоя-

тельности и готовность к новациям. В первом варианте вопросника (утвержден Госкомстатом 27.03.2000 г.) присутствовала формула, предложенная Институтом этнологии и антропологии РАН и использованная для переписи 1994 г., которая звучала следующим образом: «К какой национальности (народ) или этнической группе Вы себя относите?». Эта формула отличалась от формулы переписи 1989 г., но, на мой взгляд, она была не лучше прежней. Этой формулой опять же предполагалось существование иерархии этнических общностей, которая не только научно уязвима, но и была непонятной населению. Тем более, что в итоговом списке эта иерархия никак не отражалась, ибо конечный продукт получал название «перечень основных национальностей».

По моему предложению, поддержанному Ученым советом института, эта формула была изменена на вариант «Какова Ваша национальная (этническая) принадлежность». Эта формула также была принята Госкомстатом уже для переписи 2002 г., и даже существовал пробный вариант вопросника с такой формулировкой. Смысл ее был в том, чтобы постепенно вводить понятие этнической при-

надлежности вместо (или наряду) с категорией «национальность», которую важнее было зарезервировать для определения гражданской принадлежности. Моя идея заключалась в том, чтобы через 10 лет поменять местами «национальная» и «этническая» или же оставить только «этническая принадлежность». Все эти замечания были мною изложены в письме на имя вице-президента РАН А.Д. Некипелова, у которого состоялось рабочее совещание с участием ведущих специалистов в этой области. В итоге от РАН было направлено письмо на имя В.Л. Соколина с предложением внести изменения в программу переписи.

Однако перед самым утверждением окончательной формы вопросника Правительством Российской Федерации 20 апреля 2003 г. по настоянию Правового управления Администрации президента формулировка была изменена на вариант 1989 г.: «Ваша национальная принадлежность». Представители Госкомстата без должной академической поддержки не смогли объяснить и отстоять смысл предлагавшегося нововведения. Так страна ушла с наследием 1926 г. до следующей переписи через десять лет.

Язык и перепись

Проблема языка в переписи населения в России столь неадекватно воспринимается многими научными работниками и провалы в понимании ситуации столь велики, что речь может идти об общественно-политическом ущербе для российского общества в результате слабой обществоведческой экспертизы. Председатель Госкомстата России В.Л. Соколин был прав, когда упрекнул ученых в создании запутанной ситуации вокруг вопроса об языке в российской переписи 2002 г., в результате чего переписной лист менялся в самый последний момент, а за этим последовали

дополнительные инструкции, которые еще больше запутали дело. В итоге данные переписи 2002 г. о языке, по моему мнению, будут носить противоречивый характер, и их интерпретация будет затруднена. Однако и предыдущие советские переписи имели мало общего с реальной языковой ситуацией и служили скорее оправдывающей основой для схоластики по поводу так называемых языковых процессов.

Казалось бы, что особо важного может заключаться в проблеме сбора данных об языковой ситуации в ходе переписей на-

селения? Государство и общество, включая ученых, желают знать, на каких языках говорит население страны, какие языки распространены среди разных групп населения и в разных регионах, в какой мере распространены ситуации двуязычия и многоязычия и, наконец, в каких сферах распространено употребление того или иного языка. Полученное в переписи знание о владении и пользовании языками легко может быть сопоставлено с полученными данными о национальности для выяснения различных видов многоязычия и языковой ассимиляции, понимаемой, прежде всего, как переход с языка, совпадающего с национальностью, на другой язык. Для этого достаточно задать один или два вопроса: «Какими языками Вы владеете и каков ваш язык основного общения?» с возможностью указать несколько (два, три или более) языков в убывающем порядке по степени знания и использования. Такой опрос в России мог бы дать ответы и на владение русским языком, который является основным (т.е. родным) для подавляющего большинства населения, и на владение другими языками, которыми пользуются представители различных этнических общностей. Поскольку вопросник российской переписи содержит данные о национальной принадлежности опрашиваемого, вопрос о языке в сопоставлении с данными о национальности дает точную информацию о степени сохранения и использования языка соответствующей национальности, языковой ассимиляции и двуязычии (многоязычии). Однако ирония в том, что по разным причинам и в разные времена именно таким образом вопросы в отечественных переписях фактически не ставились.

Фиксация языковой ситуации в российских переписях отличается особой уязвимостью по причине преимущественного использования специфически понимаемой категории «родной язык» и по-

следующей интерпретации данных. Омельюсь заявить, что это вопрос имеет столь огромную общественную значимость, что если бы в СССР существовала адекватная информация о том, на каких языках разговаривает население страны, и если бы существовали адекватные интерпретация и восприятие положения дел в языковой сфере, то распад СССР был бы невозможен в варианте, когда языковой национализм бывших советских меньшинств привел к «наказанию» русского языка, поставив в дискриминационное положение так называемых русскоязычных и затруднив модернизационное развитие постсоветских государств, где этот язык был основным языком владения и общения для большинства населения. Речь идет, прежде всего, о большинстве населения таких стран, как Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Латвия, Молдавия, Украина, где этот язык был родным даже для большинства белорусов и от трети до половины украинцев, казахов, киргизов, молдаван.

Я не рассматриваю здесь дебаты по поводу языковой ситуации в СССР, но приведу некоторые оценки, которые проистекают из переписных данных. Существующая на сегодняшний день оценка со стороны российских социолингвистов сводится к критике советской «национальной политики», которая стала причиной распада СССР: «В области языковой политики это проявилось в приниженном уровне и качестве функционирования языка каждого из «советских народов» по отношению к русскому языку. Это привело к такому негативному явлению, как национально-культурный и языковой нигилизм по отношению к национальной культуре и родному языку. В современной социолингвистической литературе такая или сходная с ней политика определяется как «языковой империализм», а ее последовательное проведение в жизнь характеризу-

ется как «языковой геноцид» или лингвицид»³⁰. Именно ослабление репрессивной политики языковой ассимиляции вызвало, по мнению В.П. Нерознака, «фундаментальные изменения в структуре языковой ситуации в СССР, а позже и в России» с последующими глубокими, геополитическими последствиями³¹.

Подробно процессы постсоветской языковой реформы были рассмотрены в работе М.Н. Губогло, который в советское время много занимался вопросами двуязычия в СССР. Вывод М.Н. Губогло отличается от вывода В.П. Нерознака. Он сводится к тому, что не языковой этноцид, а сама логика языкового реформирования в значительной мере «сработала» в бывшем СССР и привела, в конечном счете, к его развалу³². «Развал Советского Союза начался с мобилизованного лингвизма, благодаря которому языки титульных национальностей были возведены в статус государственных языков, практически заблокировали доступ представителей нетитульного населения в кабинеты власти и содействовали достижению трех результатов: форсированной неокоренизации аппаратов управления, становлению этнократических режимов в бывших союзных республиках и, наконец, распаду Союза»³³.

Казалось бы, в данной теме нет секретов, особенно после выхода монографий по социолингвистическим проблемам СССР и постсоветского пространства, написанных В.М. Алпатовым и Н.Б. Вахтиным с привлечением широкого круга иностранной литературы и с критическим подходом к некоторым, казалось устоявшимся, постулатам в данной отрасли знания³⁴.

И все же непозволительно долго остается вне внимания отечественных специалистов более тонкое и рефлексивное восприятие того, что называется языковой ситуацией или языковыми процессами, и того, что можно определить как общест-

венно-политический дискурс и процессуальность по отношению к языковым вопросам. За языковыми вопросами и интерпретациями стоят ментальная инерция и политические предписания, которые затрудняют адекватный анализ. Мои этнографические наблюдения расходятся с академическими установками и с описаниями языковой ситуации в многочисленных трудах российских специалистов. Достаточно привести только один пример: в 1989 г. в Усть-Ордынском Бурятском автономном округе Иркутской области мною были зафиксированы многочисленные случаи, когда родители в ходе переписи 1989 г. записали себе и своим детям родной язык бурятский, хотя дети не знали ни одного слова по-бурятски, а их родители также не разговаривали на бурятском языке.

Давняя оговорка в инструкциях переписчикам, что «родной язык может не совпадать с национальностью» фактически не работала, ибо население вслед за учеными и политиками полагало, что родной язык есть язык своей национальности и должен быть указан именно этот язык. Тем более, что вопрос о родном языке не содержал вопроса об его знании и использовании. 5,4 % населения СССР, которые указали в переписи 1989 г. родным языком язык не своей национальности, относились к тем, кто давно и полностью утратил язык, совпадающий с национальностью, и более того – кто считает себя русскими по культуре, указывая другую национальность по причине господствующих процедуры («еще родители записали армянами») и стереотипа («с армянской фамилией трудно объявить себя русским»). Но эти только 5,4% мизерны по сравнению с реальной долей лиц, совершивших языковой транзит прежде всего в пользу русского языка.

Таким образом, данные советских переписей радикальным образом занижали степень распространения русского языка в стране, а отрицание высокого уровня

языковой ассимиляции в пользу русского языка было вызвано совпадающими установками советской национальной политики и периферийным (нерусским) национализмом. Входить с тем же самым наследием в первую перепись населения Российской Федерации и получить данные не об языковой ситуации, а об «языковой принадлежности» как об «одном из двух показателей этнической принадлежности человека»³⁵, было бы академическим и политическим расточительством. Но можно ли было исправить столь фундаментальную ситуацию, за которой стоят престиж ученых, взгляды и амбиции этнических лидеров, а также ставшее повседневной рутинной словоупотребление? Даже в академическом сообществе этот вопрос требует своего исследования в историческом и в современном контекстах³⁶.

Как известно, впервые в 1853 г. на международном статистическом конгрессе в Брюсселе категория «разговорный язык» (*langue parlée*) появилась в качестве рекомендации для всех государств, проводящих перепись. Особых споров вокруг этой рекомендации не было. Тогда дискуссия велась больше по содержанию термина национальность. На конгрессе 1872 г. в Санкт-Петербурге было признано, что «культурная национальность» должна фиксироваться на индивидуальном уровне и язык является наиболее надежным признаком такой национальности, ибо «каждый человек знает хорошо язык своего детства, чтобы на нем думать и выражаться». Статистики тогда договорились, что язык является самой надежной категорией, которая статистически может зафиксировать этнические группы. Конгресс не рекомендовал включать в программы переписей вопрос о культурной национальности вообще. Язык должен был стать главным определителем культурных наций.

Но как сформулировать вопрос? Рекомендована была формула «язык обычного общения» (язык разговора или разговор-

ный язык). Но различий между личной и общественной сферами не было сделано. Хотя уже в те времена язык домашнего общения мог часто отличаться от языка работы или неформального публичного общения. Но после этого начались разногласия и разночтения. Российские статистики истолковали рекомендации в форме категории «родной язык», т.е. категории, которая уже употреблялась в городских переписях 1860 гг. и которая сохранилась в переписи 1897 г. Австрия предпочла для своей первой переписи 1880 г. категорию «используемый язык». Как оказалось, обе формулировки были уязвимыми и вызвали политические дебаты. Ибо данные об языке, которые появились в первых переписях восточно-европейских стран в последние два десятилетия XIX в. (Австрия, Венгрия, Пруссия, Россия), часто трактовались как данные об этническом составе населения этих стран.

После первой мировой войны и образования ряда новых восточноевропейских стран и СССР в переписях стал напрямую задаваться вопрос о национальности граждан (вместо языка, как в Румынии и Польше), или в добавление к языку (как в СССР) или вместе. Западная Европа не приняла эту практику культурной национальности и восприняла восточный опыт как опасное проявление этнонационализма в ущерб гражданскому нацистроительству.

В СССР после введения категории «национальность», казалось бы, отпала необходимость выяснять, какой язык опрашиваемый *считает* для себя родным. Действительно, от вопроса о родном языке как признаке идентичности (самосознания) решили отказаться, но сам вопрос был сохранен и наполнен другим содержанием. Это же понятие родного языка как основного, которым человек лучше всего владеет и на котором обыкновенно говорит, было зафиксировано в науке. С.И. Ожегов в «Словаре русского языка»

пишет: «родной язык – язык своей родины, на котором говорят с детства». Казалось, было ясно, что вопрос о родном языке не есть дополнительный вопрос о самосознании, а есть вопрос о выяснении языковой ситуации, т.е. об основном языке, на котором говорит и которым поль-

зуется советский гражданин. Это, кстати, совпадало с последующими международными нормами, которые настойчиво предостерегали от жесткой связи основного (родного) языка индивида с языком его национальности.

Таблица 1

Формула и разъяснения по родному языку в российских переписях

1897	12. Родной язык	Язык, который каждый считает для себя родным.
1926	5. Также	Родным языком признается тот, которым опрашиваемый лучше всего владеет или на котором обыкновенно говорит.
1939	8. Также	Записывается название языка, который сам опрашиваемый считает своим родным... Родной язык может не совпадать с национальностью.
1959	8. Также	Язык, который сам опрашиваемый считает своим родным языком. Если опрашиваемый затрудняется назвать какой-либо язык родным языком, следует записать название языка, которым опрашиваемый лучше всего владеет или которым обычно пользуется в семье... Родной язык может не совпадать с национальностью.
1970	8. Родной язык. Указать также другой язык народов СССР, которым свободно владеете.	Язык, который сам опрашиваемый считает своим родным языком. Если опрашиваемый затрудняется назвать какой-либо язык родным языком, следует записывать название языка, которым он лучше владеет или которым обычно пользуется в семье. Родной язык детей, еще не умеющих говорить, и других малолетних детей определяется родителями. Если родители затрудняются определить родной язык ребенка, следует записать язык, на котором обычно разговаривают в семье... Родной язык может не совпадать с национальностью. После записи родного языка в верхней строке лицам, свободно владеющим другим языком народов СССР (т.е. умеющим свободно разговаривать на этом языке), записать в нижней строке, каким (русским, украинским и т.п.) языком опрашиваемый еще владеет. Если опрашиваемый, кроме родного, свободно владеет еще двумя и более языками народов СССР, то следует записать только тот из них, которым он лучше владеет. Лицам, не владеющим свободно другим языком народов СССР, а также детям, еще не умеющим говорить, в верхней строке записывается родной язык, а в нижней записывается «нет».
1979	Также	Язык, который сам опрашиваемый считает своим родным языком. Родной язык может не совпадать с национальностью.... (Далее как в 1970 г.)
1989	Также	Также, кроме раскрытия понятия «свободного владения» (читать, писать и свободно разговаривать)

Хотя последующие формулировки вопроса о языке на протяжении советских переписей, казалось бы, не отличались от формулировки 1926 г. (см. таблицу 1), однако инструкции и самое главное – общественная практика изменили ситуацию. С

переписи 1939 г. и до переписи 1989 г. произошел возврат к пониманию родного языка как индикатора национальности, как одного из вариантов своего рода «языковой идентичности» или «языковой принадлежности». Вопрос, что опрашиваемый

считает родным языком содержал только одно разъяснение: «ответ может не совпадать с национальностью опрашиваемого». Фундаментальный смысл языкового вопроса в переписи о владении и использовании был ликвидирован. Произошло это скорее всего от слабой компетенции организаторов переписи 1939 г, но эта некомпетентность сохранялась 50 лет, включая перепись 1989 г.!

Что произошло при подготовке переписи 2002 г.? Форма вопросника, который был мною получен в ноябре 2001 г. на международном симпозиуме в РАГСе, содержала формулировки, повторявшие перепись 1989 г. (вариант 1 в таблице 2). К вопроснику уже имелся проект методических рекомендаций, которые в части языковых вопросов (особенно по вопросу 13) носили чрезвычайно запутанный характер. Это означало, что Госкомстат решил не закреплять эксперимент 1994 г., видимо, встретившись с трудностями при обработке и интерпретации данных. Такое решение ведомства было воспринято Институтом этнологии и антропологии и мною лично как неизбежность, тем более что коллеги-лингвисты не инициировали необходимость нововведений. Мне представлялось, что стране и науке придется еще десять лет жить с этими данными, но зато будет сохранена преемственность с предыдущими переписями. Тем не менее, мною были подготовлены критические замечания и рекомендации, которые с некоторыми изменениями вошли в вышеупомянутое письмо вице-президента РАН А.Д. Некипелова в Госкомстат.

По вопросам о языке суть критики была следующей (далее извлечение из текста моего письма А.Д. Некипелову):

«Вопросы 11, 12, 13 сформулированы неудачно и ничего, кроме искаженных и идеологически перегруженных данных, не дадут в результате переписи. Вопрос 11 “Ваш родной язык” обычно понимается

населением как язык своей национальности и на протяжении десятилетий советские переписи этим вопросом фактически только “перепроверяли” вопрос об этническом (национальном) самосознании, а не отражали реальную языковую ситуацию в стране. Так, например, в переписи 1989 г. 90 % башкир объявили родным языком башкирский язык, но только 54 % могли читать и писать по-башкирски; 85 % калмыков записали родным калмыцкий язык, но реально его знали только 37 % калмыков. Еще более сильный разрыв между заявленной в переписи и реальной языковой ситуацией был среди карел, удмуртов и представителей других нерусских народов.

В переписи 2002 г. повторится та же самая картина, когда несколько миллионов жителей страны укажут для себя и своих детей в качестве “родного языка” один из нерусских именно из соображений привычки или этнической заангажированности. Хотя на самом деле их основным, первым выученным и языком домашнего общения (именно так в общемировой практике раскрывается понятие родного языка, а не по принципу крови) является русский язык. Как и в советских переписях, степень реального распространения русского языка будет радикально занижена, а степень распространения других языков как “родных” будет завышена.

Такого рода неадекватные данные уже сыграли свою отрицательную роль сразу после распада СССР. Тогда сильно заниженные цифры о распространении русского языка как основного языка населения бывших союзных республик усилили аргументы крайних националистов при отказе предоставить официальный статус языку, на котором реально говорило большинство населения ряда новых государств. В России данная неточная формулировка также исказит картину (занизит цифры) реального распространения русского как основного языка населения

и зависит данные о распространении нерусских языков. На таких показателях невозможно построить адекватную информационно-образовательную политику и систему государственного управления, а также соответствующую этнокультурную политику. Зато эти данные будут использованы для завышенных требований националистически настроенных активистов и представителей региональных властей, которые часто находятся в противоречии с частными стратегиями людей, особенно с заинтересованностью родителей в свободном владении их детьми русским языком. Для адекватной политики, в том числе и для осуществления мер в поддержку нерусских языков, важно знать реальную языковую ситуацию, в том числе и, прежде всего, реальную степень распространения русского языка в России.

Вопрос 12 «Владеете ли Вы свободно русским языком?» для современной России носит несостоятельный характер по ряду причин. Во-первых, на него будут отвечать не более 10–15 % населения страны, ибо даже при завышенных для нерусских языков данных 85–90 % населения укажут родным русский язык и поэтому отвечать на вопрос 12 они не должны. Тогда зачем такой вопрос в переписи, если подавляющее большинство опрашиваемых жителей на него не должны отвечать? Для подобного вопроса имелись основания в переписях населения СССР, где примерно 20 миллионов человек главным образом в Средней Азии действительно не знали русского языка. Сейчас в России специалисты (этнографы вместе с лингвистами и местными работниками образования) могут достаточно точно указать те некоторые отдаленные места и очень небольшие категории населения, где и которые не знают русского языка. Зачем тратить огромные средства, чтобы собирать эти редкие, но вполне известные данные? Эти же данные могут быть получены че-

рез другую и более содержательную формулировку вопроса.

Вопрос 13 «Другой язык, которым Вы свободно владеете?» перешел из советских переписей с маленькой правкой (после слова «язык» убраны слова «народов СССР»), которая сделала этот вопрос бессмысленным. Рекомендации для переписчиков, а значит и для опрашиваемых понять абсолютно невозможно и даже нет смысла их здесь комментировать. Но главная уязвимость этого вопроса в том, что им делается попытка ввести особые для проживающих на территории этнотерриториальных автономий (республик, автономных областей и округов) принципы фиксации языковой ситуации. Этим нарушается принцип равнозначности вопросов для всей территории страны. Почти наверняка ответы на эти вопросы будут представлять собой сплошную путаницу и станут предметом поверхностных оценок и спекуляций.

В итоге наше предложение сводится к тому, чтобы заменить вопросы 11, 12, 13 на новые вопросы с учетом, как они были сформулированы в промежуточной переписи 1994 г., как они сформулированы в переписях других постсоветских государствах и как они рекомендуются ООН, т.е. спросить: а) родной или первый выученный язык, знание которого сохраняется; б) основной язык домашнего общения; в) язык общения на работе. Вопросы об языке должны предшествовать вопросу об этнической (национальной) принадлежности». Напомню также, какая была формулировка в 1994 г.: «А) Родной язык. Б) Другой язык, которым свободно владеете. В) Язык, которым преимущественно пользуетесь»³⁷.

Предложения от РАН (письмо А.Д. Непелова) рассматривались в Госкомстате, но не были учтены, хотя оказали некоторое воздействие при поиске улучшения формулировки. Какая-то работа над

языковыми вопросами шла, и в итоге на заседании Государственной комиссии по проведению переписи населения 28 апреля 2002 г. была роздана форма вопросника, утвержденного распоряжением Правительства Российской Федерации от 20 апреля 2002 г. за подписью М.М. Касьянова, которая содержала другие формулировки языковых вопросов (вариант 2 в таблице 2). Этот вариант вопросника был даже опубликован в «Российской газете» в качестве официального документа за день до заседания комиссии. Поспешность была вызвана тем, что в заседании комиссии принял участие президент В.В. Путин.

Член комиссии А.Г. Вишневский предложил мне сразу же после ее заседания обсудить вопрос о новом варианте вопросника. Кроме языковых, его возражения вызвали также изменения, касающиеся анонимности переписного листа, устранение термина «домохозяйство» и категории «разведен» (divorced). На следующий день на квартире Вишневого нами было написано письмо В.В. Путину и передано адресату через его помощника А.Н. Илларионова. В этом письме мы писали о том, что одобренный правительством без обсуждения Государственной комиссией последний вариант вопросника привел, по нашему мнению, к ухудшенному варианту основного документа переписи. В письме мы написали, что наибольшие возражения вызывают поправки в вопросе о языке.

Прочитую эту часть письма:

«Появился непонятный вопрос: “Владеете ли Вы свободно родным языком?” Под “родным языком” во всех отечественных переписях, начиная с 1897 г. всегда понимался основной разговорный язык человека. В некоторых случаях (при переписи 1926 г.) давалось разъяснение: “родным языком признается тот, которым опрашиваемый лучше всего владеет или на котором обыкновенно говорит”. Так же понимается “родной язык” и в общих словарях (например, С.И. Ожегов “Словарь

русского языка”): “родной язык – язык своей родины, на котором говорят с детства”).

Как же можно не владеть свободно родным языком?

Это возможно лишь в случае, если понятие “родной язык” связывается не с языковой практикой, а с иными критериями, например, этническим самосознанием. Но свое этническое самосознание человек выражает, отвечая на вопрос о национальности, а когда речь идет о языке, важна реальная языковая практика. В России в 1989 г. из 27 миллионов нерусских жителей 7,5 миллиона назвали родным русский язык. Они не могли бы назвать и не стали бы называть русский своим родным языком, если бы не владели им более свободно, чем любым другим, и если бы не понимали, что именно об этом идет речь.

Новая формулировка вопроса приведет к явному преуменьшению степени распространения русскоязычия в России. Она дает понять родившемуся в Москве и русскоязычному армянину, башкиру или таджику, что его родной язык – не русский, а какой-то другой, которым он может даже не владеть – а все равно родной – и его и надо называть. Новая редакция вопроса о родном языке призывает дублировать ответ о национальной принадлежности и не позволяет получить достоверную информацию об языковой ситуации в стране, без чего невозможно осуществлять адекватную образовательную и культурно-информационную политику. Зато этот вопрос стимулирует этнонационалистические установки, вносит новые разделительные линии в общество, что не отвечает национальным интересам России.

Мы убеждены, что перечисленные изменения – контрпродуктивны. Учитывая необходимость срочного тиражирования переписных листов, единственная возможность выправить положение – это вернуться к предыдущей редакции. Но сейчас повлиять на ситуацию можете только Вы»³⁸.

8 мая состоялась встреча А.Г. Вишневского и еще нескольких демографов с президентом Путиным, где помимо вопросов о демографической ситуации в стране обсуждался и этот вопрос. Путин воспринял аргументы нашего письма и дал указание внести изменения в вопросник, хотя уже началось его тиражирование. Эти изменения были обсуждены со мною по телефону министром В.Ю. Зориным и А.Н. Илларионовым, по их инициативе. В конеч-

ном виде был напечатан окончательный вариант вопросника, в котором вопросы об языке подверглись радикальному (я бы сказал – революционному) изменению (вариант 3 в таблице 2). Впервые из отечественных переписей ушел вопрос о родном языке! Впервые оба языковых вопроса спрашивали о владении языком! Впервые в ответе на владение нерусским языком можно было записать до трех ответов!

Таблица 2

Варианты переписного листа 2002 г. по вопросу о языке

<i>Вариант 0 (утвержден Госкомстатом 27.03.2000)</i>	<i>Вариант 1 (до 20.04.02)</i>	<i>Вариант 2 (утвержден 20.04.02)</i>	<i>Вариант 3 (последний, утвержден тем же числом)</i>
5. Ваш родной язык (укажите название)	11. Ваш родной язык а) Если русский – проставить метку б) Если не «русский» – записать название	9. Владение языками 9.1. Ваш родной язык а) если русский – проставить метку б) если не «русский» – записать название	9. Владение языками 9.1. Владеете ли Вы русским языком? да нет
6. Другие языки, которыми Вы свободно владеете. Если родной язык не русский, то укажите, владеете ли Вы свободно русским языком?	12. Владеете ли Вы свободно русским языком?	9.2 Владеете ли Вы свободно: а) родным языком, если родной не русский б) русским языком	9.2. Какими иными языками Вы владеете? три линии для ответа
Укажите другой язык, которым Вы свободно владеете	13. Какими другими языками Вы владеете?	9.3. Другой язык, которым Вы свободно владеете	

При наличии вопроса о национальности этот вариант предоставлял уникальную возможность выяснить владение или не владение опрашиваемым языком своей национальности, а также другими языками, кроме русского. Для таких многоязычных регионов, как Северный Кавказ и Поволжье, с помощью этих данных можно было выяснить степень и характер многоязычия в этих регионах. На мой взгляд, даже при устранении привычной категории «родной язык», этот вариант давал гораздо больше возможностей выяснить языковую ситуацию в стране, в

том числе и степень сохранности языков нерусских национальностей и степень их языковой ассимиляции.

Однако судьба этого окончательного варианта сложилась драматически. Поскольку не было дано должных публичных объяснений данного изменения и тех возможностей, которые дает эта формулировка, первой реакцией со стороны националистических сил из числа нерусской интеллигенции было недовольство и даже возмущение по поводу «отмены родного языка». Решающий вклад внесли некоторые российские социологи, которые не

приняли данную новацию и выступили с резко эмоциональными статьями в прессе, содержащими не столько аргументы, сколько политические обвинения и провокационные заявления по поводу «дерзкого вызова народам России».

Прежде всего, я имею в виду статью своего заместителя профессора М.Н. Губогло в «Независимой газете» (22.07.02) под названием «Кто отнял родной язык». В статье перечислялись всевозможные катаклизмы и угрозы стране, которая отказывается от графы о родном языке: «тенденциозное искажение реальной картины этнического и языкового состава», «катализатор глубокого недовольства», «лишение возможности выявления динамики трансформационных процессов», «прерывание связи времен», «удар по национальному самосознанию народов России», невозможность «полноценно выразить свою этноязыковую идентичность», проведение «политики этнической и языковой дискриминации», «первый шаг на пути этноцида», «способ разрушения менталитета» народа, «неизбежные трения между республиками и Центром». Наконец, автор пригрозил политическими катаклизмами, какие были в Приднестровье и Абхазии. Как заключал свою статью М.Н. Губогло, «Нынешний произвол чиновников, как ни парадоксально, основывается на высоком рейтинге Президента Путина. Однако беззастенчиво действуя от его имени, они бросают дерзкий вызов народам России, угрожают авторитету Президента, нарушая подписанный им Закон "О Всероссийской переписи населения" с обязательной регистрацией родного языка граждан России».

Если говорить о научных аргументах, то они свелись к положению, что во всех советских переписях, «как и во многих странах мира, этническая (национальная) принадлежность человека записывалась с помощью двух взаимосвязанных индикаторов: национальной и языковой принадлежности». Как было в советских переписях,

мы уже объяснили, но в переписях других стран мира таковой практики никогда не существовало, как и не существует в науке понятия «языковая принадлежность». Однако набор жестких обвинений и пугающих угроз сам по себе не нуждался в научных аргументах. Статья сразу же была использована крайними этнонационалистами для акций протеста. В Татарстане, где она была перепечатана в двух местных газетах, началась шумная кампания вплоть до требования отвечать «нет» на вопрос о знании родного языка и провести свою собственную перепись, где бы татары могли записать свой язык не в унижительной графе «иные языки»³⁹. За возврат «родного языка» выступили лидеры федеральных национально-культурных автономий на встрече с министром В.Ю. Зориным, и он был вынужден пообещать учесть это требование.

Я спрашиваю себя, почему я не выступил с опровергающей статьей сразу после публикации статьи М.Н. Губогло, чувствуя ее опасный, спекулятивный характер. Во-первых, мне не хотелось устраивать публичную полемику по данному вопросу с собственным заместителем. Во-вторых, мне представлялось, что окончательно утвержденная форма вопросника уже печатается в типографиях и новые изменения невозможны. Однако я ошибся. Оказывается, под этим новым давлением Госкомстат сделал поправку в инструкцию переписчиков, в которой указал, что в ответе на вопрос 9.1 нужно еще спросить «Ваш родной язык» и если это русский, то сделать отметку, а если нет, тогда записать в первую строку ответа на вопрос 9.2 название языка, который опрашиваемый считает родным. Знает или не знает опрашиваемый этот язык, не имело значения, хотя вопрос 9.2 спрашивал о владении языком.

Что получилось в итоге? Во-первых, многие переписчики следовали вопроснику и не соблюдали инструкцию. Достаточно

сказать, что переданные по телевидению кадры переписывания семьи Президента показали, что вопрос о родном языке ему был задан, а его супруге – нет! Во-вторых, в первой строке в ответе на вопрос 9.2 теперь появилось много записей о родном не русском языке, но без информации о владении и пользовании этим языком. По-

ловинчатое и поспешное отступление на старые позиции испортило переписные данные об языковой ситуации в России. Сделано это было в угоду слепому национализму, для которого важны сам символ родного языка и его совпадение с названием национальности. Остальное – «этноцид»!

О «СПИСКЕ НАРОДОВ»

Еще к переписи 1970 г. специалисты Института этнографии АН СССР составили список из примерно 800 названий (этнонимов), сгруппированных в 141 «основную национальность»⁴⁰. Итоги переписи были разработаны по 104 национальностям. Позднее, при обсуждении переписи 1989 г., некоторые специалисты считали, что «уменьшение числа народов в стране приобрело катастрофический характер»⁴¹: со 194 наименований в 1926 г. до 128 в 1989 г. И как объяснить, куда делись почти 70 народов? В ходе этих дискуссий были высказаны некоторые ценные замечания. В частности, резонным было заключение Е.А. Семеновой, что «процесс количественного роста или сокращения включаемых в список этнонимов, постоянное превращение этнонимов из «основных» в «прочие» и «другие» и наоборот, процесс оттачивания списков национальностей и языков, видимо, бесконечны во времени, и следует принять как данность то, что любой, самый совершенный и профессионально составленный список будет лишь приближением к этнической реальности, а не ее точной копией»⁴².

Серьезное воздействие на ход этой дискуссии оказала внешне демократическая, но, по сути, ортодоксальная позиция М.В. Крюкова, что существует некая вне институционализированной этничности (т.е. «закрытого» списка народов) сложная таксономическая иерархия этносов трех уровней: субэтносы (этнографические группы), этносы и метаэтнические общно-

сти. По его мнению, открытая фиксация в переписи всех без исключения самоназваний (причем, на родном языке!) должна сопровождаться впоследствии анализом этого максимально полного списка этнонимов, который можно «скорректировать лексико-статистическим анализом и результатами эндогамных барьеров, разделяющих этносы». Только так можно «подойти к созданию научно обоснованной таксономической классификации народов СССР»⁴³.

Представляется важным заключение о проекте «Списка народов СССР», сделанное С.В. Соколовским в ходе дискуссии после переписи 1989 г. При составлении «модели этнической реальности» им предлагалось делать учет «процессуального характера этничности, многоуровневости и многокомпонентности форм этнической идентификации, зависимости процедур определения собственной национальности от различных факторов социально-политического и историко-культурного характера». Такая модель противостоит «этническому реализму» и приводит к пониманию условности и функциональной ограниченности любого «списка» этнических общностей... Несовместимость бытующей в стране практики учета населения по этническим признакам с демократическими принципами организации жизни общества обусловили разработку концепции «открытого списка». Сутью концепции является предоставление личности права выбора любого этнонима для самоидентификации (а не

только официально признаваемого) и возможность отказа от идентификации по этническому принципу. Концепция позволяет учесть динамический характер этничности, многоуровневость этнического самосознания, известную подвижность и условность границ между этническими категориями населения⁴⁴.

Однако к новой переписи Госкомстат еще в 1999 г. подготовил свой вариант списка национальностей и языков для переписи 2002 г., который был прислан на отзыв в ИЭА РАН в январе 2000 г. За малыми исключениями, он ничем не отличался от списка предыдущей переписи 1989 г. После критического отзыва на эти документы со стороны института⁴⁵ Госкомстат принял почти все предложения относительно новой структуры и нового содержания методических документов по вопросам национальности и языка. В ряде моментов сотрудники Управления внесли свои ценные коррективы. Трудности и драма Госкомстата и Академии заключались в другом, а именно – в сложности самого вопроса о списке народов, во внешних политических воздействиях и в неспособности (или в невозможности) солидарно противостоять этому воздействию.

На самом деле вопрос о списке (списках) достаточно прост в смысле понимания разницы между перечнем возможных самоназваний и списком этнических групп (национальностей), хотя следует признать, что многие государственные чиновники, политики и журналисты до самого последнего момента так и не смогли понять эту разницу, каждый раз говоря, что в стране может зарегистрироваться около 800 народов и разных групп. Это понимание сохранилось отчасти и после переписи, ибо Госкомстат заявил о готовности кодировать все встречающиеся самоназвания. На самом же деле еще с переписи 1926 г. существует и каждый раз обновляется составляемый этнографами список возможных этнических самоназва-

ний, которые могут встретиться переписчику во время опроса. Если не брать эпатажно-игровые самоназвания (*эльфы, скифы, толкинисты* и т.п.), то этот список главным образом отражает местные языковые и другие варианты самоназваний, которые достаточно хорошо известны специалистам. Такие списки на 800–900 вариантов самоназваний составляются как методическое пособие для обработки результатов переписи.

Есть другой список – перечень национальностей, который используется для кодировки агрегированных данных и который, конечно, связан с первым списком. В этом списке указывается «правильное» (более употребительное и известное, а также общепринятое на данный момент в науке) название национальности, которая подразумевается тем или иным вариантом самоназваний. Все самоназвания должны быть сведены к этому «основному» списку или к «перечню основных национальностей», как он называется уже при публикации материалов переписи. Между двумя перечнями (списками) существует скрытая динамика, которую понять гораздо сложнее. *Во-первых*, далеко не все самоназвания (или просто названия) есть языковые и местные варианты обозначения одной и той же группы. Часть названий обозначает этнокультурную идентификацию, которая вполне может рассматриваться как обозначение отдельной этнической общности или как одна из форм сложной (горизонтальной и вертикальной) идентификации. *Во-вторых*, часть названий когда-то уже присутствовала в переписи и исчезла из нее по ряду причин, в том числе и в силу ассимиляционных процессов и ассимиляционистских установок организаторов предыдущих переписей. *В-третьих*, есть названия, которые могут «кочевать» из одного списка в другой в силу господствующего (предпочтительного) названия группы в данный исторический момент (горские евреи – та-

ты, лопари – саамы, или инуиты – эскимосы) или в результате принятых общест-венностью научных перекалификаций.

Вокруг вопроса о месте во втором спи-ске в советское время всегда шла полити-ческая борьба, ибо это было связано с официальным признанием этнической об-щности как «нации», «коренного народа» или «национальности». Здесь постоянно сталкиваются две тенденции. Одна – это «укрупнение» народов за счет включения в их состав малых культурно близких групп и тем самым уменьшение общей численности народов («наций», «этносов» и т.п.). В политическом плане – это асси-милационистская или интеграционистская линия, т.е. политика отрицания. Ее про-понентами выступают самые разные си-лы: государство, представители домини-рующей культуры, идеологические «пат-риоты», «шовинисты», «национальные ни-гилисты», политические деятели и обще-ственные активисты, строящие свою дея-тельность на гражданских и других вне-этнических принципах, часть научного со-общества. Вторая тенденция – это конст-руирование наций и народностей на ос-нове этнических партикулярностей и ле-гитимация низовых требований о группо-вом признании с целью воссоздания «под-линной» и «полной» номенклатуры этни-ческих общностей. Выразителями этой тен-денции выступают большинство этногра-фов, так называемая «национальная интел-лигенция» и активисты этнических мень-шинств, часть либерального политическо-го спектра, правозащитники и междуна-родные структуры по защите националь-ных меньшинств.

Оба видения находятся в рамках од-ной парадигмы и почти всегда пребывают в жесткой конфронтации по поводу но-менклатуры групп, которую должна за-фиксировать перепись. С точки зрения го-сударственного строительства и управле-ния многоэтническим обществом в совре-

менной России возможны две стратегии. Одна – которой придерживается большин-ство государств мира, – это не поощрять этнический партикуляризм и не создавать через процедуру переписи дополнитель-ную политическую легитимность для груп-повых коалиций в ущерб национальной интеграции и гражданским основам орга-низации общества. Другая – это поощре-ние этнического партикуляризма через мак-симально возможный «открытый список» и через признание многообразия форм эт-нической идентичности, в том числе и через фиксацию ее множественной при-роды, включая «вертикальную» и «гори-зонтальную» таксономию групп. Первый подход включает в себе постоянный риск низовых жалоб и межгрупповых споров за членство, статус и название, но он по-зволяет государству строить отношения с фиксированными группами и их структу-рами, хотя и мешает утверждению при-мата гражданской идентичности. Второй подход включает в себе риск хаотиче-ского роста групповых коалиций на этни-ческой основе в условиях, если в государ-стве сохраняется смысл этнических коали-ций для обеспечения доступа к власти и ресурсам. Но при последовательном про-ведении данной стратегии есть возмож-ность через признание этнической мозаики и ее сложности снизить саму значимость групп в социальной жизни и в политике, т.е. растворить амбиции высоко статусных групп на обладание исключительным по-ложением.

По-настоящему, российская власть до сих пор не понимает суть и значимость данной дилеммы, а в контексте переписи она вообще не обсуждалась. Есть только смутная интуиция, «что хорошо и что плохо» может быть для государства, но и эта интуиция зависит от идеологических и бытовых взглядов политиков и чинов-ников, а не от профессионального и ра-ционалистического понимания проблемы.

В переписи 2002 г. государство и наука так и не смогли определиться по данному вопросу, полагая, что главная задача — это объективный учет и получение ответа на вопрос «сколько народов живет в России». Отечественная наука в этом вопросе не сделала шаг вперед и в целом озабочена тем же самым вопросом, как и в предыдущих переписях: установить номенклатуру этнического состава населения, поделив его на группы. Если бы ученые-этнологи лучше поняли символическую природу этнического и не воспринимали категорию «этнос» в столь фундаментальном смысле как, например, воспринима-

ется категория «танатос» (смерть), тогда за ними могли бы последовать и российские политики, расширив свои возможности управления этой сферой также через символичные действия. Но, увы, этого не произошло. Вместо этого получились драматизированные и бесплодные дебаты, которые радикальной перемены в процедуру переписи 2002 г. не принесли. В России опять переписывались «народы», а не «идентичности» в рамках одного российского народа. Тем самым российская перепись населения 2002 г. не выполнила свою основную миссию — создать народ для государства.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Количественные методы в советской и американской историографии: Материалы советско-американских симпозиумов в г. Балтиморе, 1979 г. и г. Таллине, 1981 г. / Отв. ред. И.Д. Ковальченко и В.А. Тишков. — М., 1983; Аграрная эволюция России и США в XIX — начале XX века: Материалы советско-американских симпозиумов / Отв. ред. И.Д. Ковальченко и В.А. Тишков. — М., 1991.
- ² См.: Тишков В.А. История и историки в США. — М.: Наука, 1985.
- ³ Об одном из самых обстоятельных исследований в области социальной истории России, использовавшем данные переписи 1897 г. см.: Мухомов Б.Н. Социальная история России: В 2-х т. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2000.
- ⁴ Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. — London: Verso, 1983.
- ⁵ Соколовский С.В. Образы других в российской науке, политике и праве. — М., 2001; Hirsch F. The Soviet Union as a Work-in-Progress: Ethnographers and the Category of *Nationality* in the 1926, 1937, and 1939 Censuses // *Slavic Review*. — 1997. — Vol. 56. — № 2. — P. 251–278.
- ⁶ Census and Identity: The Politics of Race, Ethnicity, and Language in National Censuses / David I. Kertzer & Dominique Arel, eds. — Cambridge, 2002.

- ⁷ Заметки автора с совещания 29 апреля 2002 г., Москва, Дом правительства.
- ⁸ См., например: Крюков М.В. Этнические процессы в СССР и некоторые аспекты Всесоюзных переписей населения // Советская этнография. — 1989. — № 2, а также: Подходы к изучению этнической идентификации: Сб. статей / Отв. ред. Э.А. Чамокова. — М., 1994.
- ⁹ Polemiku российских антропологов по этому вопросу см.: Проблема расы в российской физической антропологии / Ред. Т.И. Алексеева, Л.Г. Яблонский. — М.: ИЭА РАН, 2002.
- ¹⁰ Choldin, Harvey. Statistics and Politics: The «Hispanic Issue» in the 1980 Census // *Demography*. — 1986. — Vol. 23. — P. 403–418.
- ¹¹ Об итогах этой переписи и анализ ее результатов для понимания этнодемографической ситуации в США см.: Lieberman, Stanley and Waters, Mary. From Many Strands: Ethnic and Racial Groups in Contemporary America. — N.Y., 1988.
- ¹² См.: Воробьев Н.Я. Всесоюзная перепись населения 1926 года / 2-е изд. — М.: Госстатистика, 1957; Крюков М.В. Этнические процессы в СССР и некоторые аспекты Всесоюзных переписей населения // Советская этнография. — 1989. — № 2; Подходы к изучению этнической идентификации: Сб. статей / Отв. ред. Э.А. Чамокова. — М., 1994; Перепись-2002: Проблемы и суждения // Исследования по прикладной и не-

- отложной этнологии. – № 132. – М.: ИЭА РАН. 2000.
- ¹³ Семенова Е.А. Этническая информация в переписях населения // Этнокогнитология / Вып. 1: Подходы к изучению этнической идентификации / Под ред. Э.А. Чамоковой. – М., 1994. – С. 81–82.
 - ¹⁴ Там же. С. 81.
 - ¹⁵ Уже сама формулировка вопроса вкладывала в него разные смыслы для граждан России и для иностранцев: Вопрос 4. «Народность. Для иностранцев – какого государства подданный», а в инструкции для переписчиков пояснялось, что «перепись имеет целью определить племенной (этнографический) состав населения» и «не следует заменять народность религией, подданством, гражданством или признаком проживания на территории какой-либо республики».
 - ¹⁶ На этот счет смотрите мои многочисленные высказывания в книгах: Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. – М., 1997; Он же. Этнология и политика. – М., 2001.
 - ¹⁷ См.: Перепись-2002: Проблемы и суждения // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. – № 132. – М.: ИЭА РАН. 2000.
 - ¹⁸ Такие комиссии играли особую роль в период первых советских переписей. Фактически именно Комиссия по изучению племенного состава населения России, в которой главную роль играли ведущие в тот момент этнографы, составила список народов для переписи 1926 г.
 - ¹⁹ Anderson, Benedict. Imagined Communities. – 1991. – P. 184.
 - ²⁰ Appadurai, Arjun. Number in the Colonial Imagination // Orientalism and the Postcolonial Predicament / Carol A. Breckenridge and Peter van der Veer (eds.). – Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press. 1993. – P. 332.
 - ²¹ The Politics of Numbers / Starr, Paul (ed.). – New York: Russell Sage Foundation. 1987. – P. 12–13.
 - ²² Миронов Б.Н. Указ. соч. Т. 1. – С. 22, 25.
 - ²³ Брук С.И., Кабузан В.М. Динамика численности и расселение русского этноса (1678–1917 гг.) // Советская этнография. – 1982. – № 4; Кабузан В.М. Русские в X–XX веках... и другие многочисленные работы этих авторов.
 - ²⁴ Бесела В.А. Тишкова с С.И. Бруком // Этнографическое обозрение.
 - ²⁵ Подробнее см.: Народы России: Энциклопедия / Гл. ред. В.А. Тишков. – М., 1994. – С. 53–65.
 - ²⁶ Petersen, H. Ethnicity Counts. – New Brunswick, NJ: Transaction Publishers. 1987. – P. 219.
 - ²⁷ Об этом см.: Мультикультурализм в трансформирующихся обществах / Под ред. В.С. Малахова и В.А. Тишкова. – М., 2002; Тишков В. После многонациональности: Культурная мозаика и этническая политика в России // Знамя. – 2003. – № 3.
 - ²⁸ Prewitt, K. Census 2000: As a Nation. We are the World // Carnegie Reporter. – Vol. 1. – No. 3. – Fall, – 2001. – P. 4.
 - ²⁹ Ibidem.
 - ³⁰ Ibid. P. 9.
 - ³¹ См.: Перепись населения – XXI век: Опыт, проблемы, перспективы / Международный симпозиум: 27–28 ноября 2001 г. Москва.
 - ³² Нерознак В.П. Языковая ситуация в России: 1991–2001 гг. // Государственные и титульные языки России: Энциклопедический словарь-справочник / Гл. ред. В.П. Нерознак. – М.: Academia. 2002. – С. 5–6; см. также: Нерознак В.П. Языковая реформа: 1990–1995 // Вестник РАН. – 1996. – Т. 66. – № 1. – С. 3–7.
 - ³³ Нерознак В.П. Языковая ситуация... С. 6.
 - ³⁴ Губогло М.Н. Языки этнической мобилизации. – М.: Школа «Языки русской культуры». 1998. – С. 391; Собрание законов о языках советских республик см. в кн.: Переломные годы / Т. 2: Языковая реформа – 1989 / Сост. и отв. ред. М.Н. Губогло. – М., 1994. Тексты языковых законов российских республик см. в словаре-справочнике под редакцией В.П. Нерознака.
 - ³⁵ Губогло М.Н. Указ. соч. С. 14.
 - ³⁶ Алпатов В.М. 150 языков и политика: Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. – М.: Крафт+ИВ РАН. 2000; Вахтин И.Б. Языки народов Севера в XX в.: Очерки языкового сдвига. – СПб., 2001.
 - ³⁷ Губогло М. Кто отнял родной язык?: Накануне переписи российское чиновничество лишило народы России права зафиксировать языковую принадлежность // Независимая газета. – 22 июля 2002.
 - ³⁸ Обзор мирового опыта этого вопроса был сделан Д. Арелем: Arel, D. Language Categories in Censuses: Backward- or Forward-looking? // Census and Identity: The Politics of Race, Ethnicity, and Language in National Censuses / David Kertzer and Dominique Arel, eds. – Cambridge: Cambridge Univ. Press. 2002.
 - ³⁹ Архив автора.
 - ⁴⁰ Архив автора.
 - ⁴¹ Бронштейн Б. На время переписи татары могут забыть русский язык // Новая газета. – 11–13.10.02.
 - ⁴² Брук С.И. и Козлов В.И. Этнографическая наука и перепись населения 1970 г. // Советская этнография. – 1967. – № 6. – С. 10–11.
 - ⁴³ Чамокова Э.А. и Филимонова Л.В. Правовые этнические проблемы и инструментальные задачи переписи // Этнокогнитология. – Вып. 1. – С. 94 (91–108).
 - ⁴⁴ Семенова Е.А. Указ. соч. С. 90.
 - ⁴⁵ Крюков М.В. Этнические процессы в СССР и некоторые аспекты всесоюзных переписей населения // Советская этнография. – 1989. – № 2. – С. 33 (24–35).
 - ⁴⁶ Соколовский С.В. Заключение (о проекте «Список народов СССР»: итоги и перспективы исследования) // Этнокогнитология. – Вып. 1. – С. 109–110 (109–111).
 - ⁴⁷ Текст отзыва см.: Соколовский С.В. Указ. соч. С. 185–192.